

А. Н. Марьямов

МОЙ МЕХМАТ

Светлой памяти моего отца,
выпускника мехмата МГУ 1932 года
Н. Б. Марьямова
посвящаю

А. Н. Марьямов

МОЙ МЕХМАТ

ВОСПОМИНАНИЯ



Издательство Московского университета • 2023

УДК 82-94+378
ББК 84стд1-442.3+74.48
М30

Марьямов, А. Н.

М30 Мой мехмат : воспоминания / А. Н. Марьямов. — Москва :
Издательство Московского университета, 2023. — 103, [1] с. : ил.

ISBN 978-5-19-011932-9

В книге представлены воспоминания Александра Наумовича Марьямова (род. 1937), выпускника мехмата 1960 года, позднее сотрудника Научно-исследовательского института механики МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидата физико-математических наук, доцента.

Автор лично знал, был учеником и коллегой многих легендарных ученых механико-математического факультета МГУ, ставших гордостью советской науки. В этой книге изложены факты, свидетелем которых автор был лично, или факты, о которых автор узнал со слов очевидцев.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей отечественной науки советского периода.

УДК 82-94+378
ББК 84стд1-442.3+74.48

ISBN 978-5-19-011932-9

© Марьямов А.Н., 2023
© Издательство Московского университета,
2023

*Из всех десятилетий нашей истории
умный человек выбрал бы для своей молодости
50-е годы XIX века.*

Дж. М. Янг. Портрет эпохи

Я предпочитаю 60-е годы XX века.

А. М.

В 2023 году исполнилось 63 года выпуска мехмата МГУ 1960 года. В жизни каждого выпускника мехмат оставил неизгладимый след.

Рукопись прочитали и сделали замечания Ю. И. Галушкина, В. В. Голубева, М. А. Локтюхова. Е. А. Сагомоян.

Неподдельный интерес проявили выпускники мехмата разных лет: профессора В. А. Ерошин, А. М. Локощенко, А. В. Степанов, А. Н. Филиппов, Н. Н. Смирнов.

Выражаю им всем свою искреннюю благодарность.

А. Марьямов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый выпускник мехмата может сказать «мой мехмат» и будет прав, так как он действительно у каждого свой. Эти записки не претендуют на то, чтобы быть единственной правдой; более того, я ушел из МГУ в середине 1970-х годов и, естественно, не касаюсь того, что происходило на факультете в последнюю четверть XX века и тем более в начале нынешнего, XXI века. Все, о чем написано, носит субъективный характер, и очень многие могут сказать, что автор неправ, что они знают события и людей, о которых идет речь, лучше и могут сказать больше. Все это, бесспорно, верно.

Я хочу донести одну простую мысль, что гордость мехмата — это таланты, блестящие математики и механики, профессора и студенты. Сохранение традиций, заложенных создателями научных школ мехмата — Н. Н. Лузиным, С. А. Чаплыгиным, А. И. Некрасовым, Л. С. Лейбензоном, А. Я. Хинчиным, А. Н. Колмогоровым, И. М. Гельфандом, П. С. Александровым, Л. И. Седовым, А. А. Ильюшиным, Ю. Н. Работновым, Н. Г. Четаевым, Х. А. Рахматулиным, Г. Г. Черным и многими другими блестящими учеными и педагогами мехмата — залог величия и процветания отечественной науки.

Я пишу в основном о людях, многих из которых уже нет с нами, но каждый из них был по-своему талантлив, ярок, самобытен, а все вместе они создавали незабываемую атмосферу мехмата 1950–1980-х годов.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Мысль поступить на мехмат зародилась у меня еще в 8-м классе. Отец мой, Н. Б. Марьямов, окончил мехмат (или то, что в те годы называлось мехматом¹ в 1932 году. Он часто вспоминал студенческие годы, своих товарищей по курсу: Л. А. Бойко, П. В. Мясникова, С. Г. Попова, Х. А. Рахматулина, Г. И. Двухшерстова, Е. Ф. Саваренского, — профессоров и преподавателей. Его рассказы оказали определенное влияние на мой последующий выбор. Я хорошо учился, должен был получить медаль, но, как у многих отличников, у меня не было ярко выраженных увлечений. Мне нравились история, литература, математика, но я не любил физику и особенно черчение. Получить гуманитарное образование мне казалось бесперспективным. Тогда у всех на слуху были строки Б. Слуцкого: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне». По этому поводу высказался блестящий математик, мой ровесник И. Ф. Шарыгин: «Настоящие знатоки искусств, люди с тонким чувством юмора были как раз среди математиков и физиков» [1].



¹ Механико-математический факультет МГУ был создан 1 мая 1933 года вместе с восстановлением в Московском университете факультетской системы. В 1932 году — физико-механический факультет (включавший физико-механическое, математическое и астрономо-геодезическое отделения). — *Примеч. ред.*

Факультет, который удовлетворял всем вышеперечисленным требованиям, где не было черчения и было мало физики, — однозначно мехмат. Уже в 9-м классе я окончательно решил поступать туда на отделение механики.

Весной 1955 года солнечным апрельским утром я сел на автобус № 5 возле Большого театра и поехал в сторону нового здания МГУ. Автобус довез меня до конечной остановки ВЦСПС, от здания которого до университета простиралось чистое поле. Где-то слева виден был Дом преподавателей, трамвайный поворотный круг — и больше ничего. Я пошел через поле и вскоре оказался возле главного входа в университет. Впечатление было необыкновенное: что-то сказочно великолепное в свете весеннего солнца.

Это чувство охватывает меня всегда, когда солнечным днем я иду к главному входу МГУ. С тех пор прошло более 60 лет, но главное здание (ГЗ) все так же прекрасно и величественно. Тогда, подобно Герцену и Огареву, я дал себе мысленно клятву поступить в МГУ на Ленинских горах.

Школу я окончил с золотой медалью и сразу после выпуска отнес документы в приемную комиссию. Это было в конце июня, а собеседование мне назначили на 5 июля. Каждый день я приезжал в университет, поднимался на 14-й этаж, где проходило собеседование, и выяснял «боевую» обстановку.

Я многое узнал за эти дни, познакомился с будущими блестящими студентами: В. Даниловым-Данильяном, И. Каржаном, В. Кудрявцевым и другими. Первые двое еще до поступления олицетворяли все качества студентов мехмата: снисходительное отношение к собеседнику, широкую математическую эрудицию и веру в собственную непогрешимость. После собеседования они выходили как победители, полные уверенности в поступлении, охотно делились впечатлениями, рассказывали о задачах, которые им предложили и которые они, конечно, легко решили. Из их числа выделился В. Кудрявцев, который выглядел после собеседования напуганным и без комментариев быстро ушел. Я прошел собеседование 5 июля и уже 13 июля получил уведомление, что принят на 1-й курс мехмата на отделение механики.

Ажиотажа при поступлении не было. Так, мой школьный приятель Ю. Баш, тоже окончивший школу с золотой меда-

лью, подал заявление в Энергетический институт и там не выдержал собеседование. Почему это произошло, осталось тайной: то ли он действительно не прошел собеседование по физике, то ли другие, скорее режимные соображения сыграли решающую роль, но так или иначе он забрал документы 8 июля. Получив от меня подробную информацию о мехмате, он уже 10 июля прошел собеседование и был зачислен в 20-х числах того же месяца.

В следующий раз со своими новыми знакомыми я встретился в поликлинике МГУ, где мы проходили медосмотр. Там со мной произошел курьезный случай: у меня первый раз в жизни мерили кровяное давление, и оно оказалось повышенным. Врач внимательно изучила мою медицинскую карту, а потом сказала, что мне лучше учиться на «математике», из-за давления на «механике» делать нечего, поскольку физические нагрузки мне противопоказаны. Объяснять врачу, что разница между отделениями механики и математики не в объеме физических нагрузок, мне показалось бессмысленным, и я попросил ее оставить все как было. В поликлинике я познакомился со своими будущими лучшими друзьями М. М. Гилинским и В. Б. Поручиковым.

Занятия начались в четверг, 1 сентября 1955 года. Моя 12-я группа собралась на 14-м этаже. Из аудитории открывался потрясающий вид на Москву в легкой утренней дымке. В группе были девушки. Мы, десятиклассники выпуска 1955 года, никогда не учились с девчонками. Осенью 1954 года объединили мальчиков и девочек во всех классах от 1-х до 9-х, а 10-е, выпускные, оставили без изменений.

Я с любопытством смотрел по сторонам, как вдруг одна сидящая у окна девушка в белой блузке с выразительными чертами красивого лица, темными волосами, закрученными косой вокруг головы, с большими глазами изумительного цвета, привлекла мое внимание. Тогда я не знал, что на многие годы эта девушка станет безраздельной хозяйкой моих мыслей и чувств.

Вошел преподаватель, Роланд Львович Добрушин. Он был молод, высок, в очках. Вскоре мы узнали, что он один из любимых учеников академика А. Н. Колмогорова, недавно

защитил кандидатскую диссертацию, работает ассистентом на кафедре теории вероятностей. Это был незлой, слегка насмешливый молодой человек, иногда пренебрегающий правилами дипломатического этикета.

После переключки Р. Л. Добрушин поинтересовался, какие отметки получили серебряные медалисты по математике. В группе было несколько серебряных медалистов, которые сдавали два экзамена по математике; несколько человек поступили на общих основаниях, как правило льготники, а основную массу составляли золотые медалисты. Отметив у себя тех, кто набрал десять или девять баллов, Добрушин хотел начать занятие, но тут заволновались золотые медалисты: не интересуют ли его их успехи?

— Ваши успехи будут видны в период экзаменационной сессии, — пренебрежительно ответил Роланд Львович.

— А результаты поступивших на общих основаниях интересуют? — раздался голос.

— А сколько вы набрали по математике?

— Десять баллов.

— А по всем предметам?

— Тридцать баллов.

Мы все повернулись в сторону, откуда раздался голос. Это был молодой человек с ярким румянцем на лице и роскошными золотистыми кудрями.

— Тридцать баллов... — задумчиво повторил Добрушин. — Ваша фамилия?

— Медведев, Виктор Медведев, — последовал ответ.

Впоследствии я встречал людей с самыми различными способностями, но более одаренного человека, чем Виктор Андреевич Медведев, мне встречать не приходилось.

После занятий в тот первый день мы — уже друзья: Гишинский, Медведев и я — стоим на остановке автобуса № 1 около главного входа МГУ, чтобы ехать в сторону Октябрьской площади, и обмениваемся впечатлениями о первом дне, проведенном в университете.

— Ну и девчонки у нас в группе, — заметил Гишинский. — Вот Медведев даже не решился ни одну пригласить в кино.

— Ну, не знаю, — возразил я, — девушка в белой блузке, что сидела у окна, удивительно хороша собой.

Гишинский с некоторым удивлением пристально посмотрел на меня и переменял тему разговора.

На следующей неделе, в понедельник на той же остановке Гишинский бойко рассказывал, что девушка, которая так мне понравилась, жила на Дальнем Востоке; отец у нее адмирал, служит на Тихом океане; зовут Юлия. В Москве она живет с бабушкой.

— Я в субботу ходил к ней пить чай. Ты прав, — продолжал Гишинский, обращаясь ко мне, — она действительно очень симпатичная. Кстати, где вы были в субботу? Я искал вас, но не нашел. Юлия расспрашивала меня о молодом человеке с закрученными кудрями, — говорил Гишинский, теперь уже глядя на Медведева. — А когда я сказал, что ты умеешь играть на аккордеоне, она пришла просто в восторг.

Медведев, насупившись, молчал.

Началась размеренная студенческая жизнь. На первых курсах у нас преподавали А. Я. Хинчин, А. Г. Курош, С. В. Быхвалов. А. И. Маркушевич, С. П. Фиников. Наиболее ярким из этой профессорской плеяды, бесспорно, был А. Г. Курош, чьи лекции по высшей алгебре могли служить эталоном строгости изложения и педагогического мастерства. Астрономию читал профессор К. А. Куликов. Он был не очень высокого мнения о современной науке и ее лучших представителях. Однажды он высказал такой шуточный афоризм: «Раньше гусиными перьями писали вечные мысли, а теперь вечными перьями (авторучками) пишут гусиные мысли». Но, как известно, в каждой шутке только доля шутки. Так что не будем всерьез принимать слова профессора.

Быстро приблизилась сессия. Самый ответственный предмет на зимнем семестре первого курса — математический анализ. На зачет по анализу, который принимал Р. Л. Добрушин, я пришел во второй половине дня: все утро готовился. Зачет проходил на 14-м этаже. В коридоре собрались студенты, которые уже сдали зачет.

Я стал интересоваться, как проходит зачет, что спрашивает Роланд Львович. Мне показалась, что вопросы он задает слишком сложные, значительно труднее, чем мы проходили на семинарах.

— Чего можно ждать от этого болвана? — громко заявил я.

По словам очевидцев, у меня громкий голос довольно противного тембра и я якобы не умею говорить шепотом. Вхожу в аудиторию. Все сидят по партам, с ехидством поглядывая на меня. Добрушин дает мне задание, одного взгляда на которое достаточно, чтобы понять: задание мне не под силу. Просидев около часа, так ничего не решив, я полностью деморализованный, выхожу из аудитории, встречаемый громким хохотом моих товарищей. Я пытаюсь выяснить у В. Медведева, как решается задача, которую дал мне Роланд Львович.

Вмешивается Юля:

— Ты бы еще громче высказывался по поводу Добрушина, а потом удивлялся, что он захочет тебя завалить.

Оказалось, что все, что я говорил в коридоре, было хорошо слышно в аудитории, где шел зачет. Р. Л. Добрушин, усмехнувшись, сказал, что сейчас будет ясно, кто здесь болван. Через несколько дней я сдал зачеты, а потом и экзаменационную сессию.

Но не всегда сдача зачета происходила столь плачевно. Так, мой однокурсник, Александр Якубенко, на рубеже 1956–1957 гг. на зачете по математическому анализу блестяще доказал равномерную сходимости по параметру несобственного интеграла, чем вызвал такой восторг у «кровожадной» Н. Д. Айзенштадт, что она отдала ему свой билет на концерт Ива Монтана в актовом зале МГУ. Тогда И. Монтан благодаря усилиям народного артиста СССР С. В. Образцова был самым раскрученным в Союзе шансонье. Его гастрели в СССР имели грандиозный успех и аншлаги.

МАТЕМАТИКИ И МЕХАНИКИ

На мехмате студенческую элиту, особенно на первых курсах, представляют математики, хотя у математиков и механиков много общего: учебные программы, физкультура, военная кафедра, общежитие. Но кто в школе может увлечься механикой? Единицы.

А математикой увлекаются и профессионально занимаются сотни и тысячи школьников. Поэтому на младших кур-

сах математики объективно сильнее механиков. На старших курсах происходит разделение по специальностям, многие механики находят свое призвание, и разница в уровне математической подготовки становится не столь разительной. Первокурсник-математик, если он о себе высокого мнения — а таково подавляющее большинство математиков, тем более если он победитель или призер математических олимпиад, — ведет себя достаточно самоуверенно. На нашем курсе сразу появилась группа студентов-математиков, в которой в той или иной степени нашли отражение типичные черты мехматовской элиты.

Перечислить всех не представляется возможным, но среди них были В. Паламодов, В. Грушин, Г. Эскин, Д. Фукс, А. Виноградов, А. Олевский, Б. Вайнберг и другие. Была девушка, Галина Тюрина. Она ходила всегда в окружении однокурсников, среди которых выделялась мощная фигура Димы Фукса. О блестящих математических способностях Тюриной заговорили все и сразу. Это была очень миниатюрная, милая девушка, весьма скромно одевавшаяся и, казалось, ничем не отличавшаяся от остальных студенток. Но мехмат потому и мехмат, что его лучшие представители знают себе цену. Знала ее и Галина Тюрина.

Если в МВТУ им. Баумана¹ основным экзаменом считался сопромат, на мехмате у механиков — уравнения математической физики (урматфиз) («Я экзамен урматфиз десять раз сдавал на бис» (Гишинский, 1958 год)), то у математиков таким экзаменом был Анализ-3, который практически создал как новый курс профессор Г. Е. Шилов. Профессор Шилов сам читал этот курс и принимал экзамен по нему. Во время зимней сессии 1957/58 учебного года я встретил Г. Тюрину в библиотеке на 14-м этаже.

— Как дела? — поинтересовался я.

— Что ты имеешь в виду?

— Анализ-3.

— Отлично. Странно, что ты спрашиваешь. Шилов по-

¹ В те годы — Московское высшее техническое училище (МВТУ) им. Н. Э. Баумана; сегодня — Московский государственный технический университет (МГТУ) им. Н. Э. Баумана. — *Примеч. ред.*

ставил мне автомат еще до начала экзаменационной сессии.

Здесь я хочу расставить сразу все точки над *i*. На мехмате, как и в консерватории, студенты с ярко выраженными способностями заметны невооруженным взглядом. Трудно распознать в первокурснике будущего выдающегося химика, инженера, юриста, биолога или врача; музыканта или математика можно. Мехматовская профессура, за редким исключением, способна по первым фразам, которые произносит незнакомый студент на экзамене, определить: этот студент математик от Бога или только по образованию. К числу первых, бесспорно, принадлежала Г. Тюрина. Вероятно, она составила бы славу современной женской математики, но, к сожалению, погибла в 1960-х годах в турпоходе, оставив в сердцах всех, кто ее знал, чувство невозвратимой утраты.

Молодые математики — люди с большим самомнением и чувством уверенности в собственной непогрешимости. Одними из первых опубликовали печатную работу в Докладах АН СССР А. Виноградов и Д. Фукс совместно с членом-корреспондентом АН СССР Б. Н. Делоне. Спрашиваю у Виноградова:

— Как сложился ваш творческий союз двух студентов-первокурсников и маститого ученого?

Мгновенный ответ Виноградова поверг меня в шок:

— Фукс и я решали задачу, а Делоне нам только мешал!

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Большинство из нас окончили школу в 1955 году, и, следовательно, совместное обучение нас не коснулось, поэтому учиться с девчонками было непривычно и интересно. Только на военной кафедре мы чувствовали себя свободно и могли позволить себе расслабиться. Полковники, которые нас учили, были образованными людьми и хорошими педагогами. Сухин, Еременко, Певак, Блинов работали с нами в течение всех пяти лет. Занятия нашей группы проходили совместно с группой астрономов. Среди студентов-астрономов особенно выделялся Владик Турский —

поляк, гражданин ПНР, сын ректора Варшавского университета. Тучный, невысокий, с копной светло-рыжих волос, добродушный, он вел себя очень скромно. Вскоре его освободили, как иностранного студента, от занятий на военной кафедре.

Осенью 1956 года, когда начались польские события¹, Турский занял активную антисоветскую позицию. Он выступал в общежитии с лекциями, посвященным событиям в Польше, рассказывал об оккупационном режиме, который навязали полякам советские войска, расквартированные по всей Польше. Партком МГУ запретил Турскому выступать на территории МГУ. Когда события в Польше пошли на убыль, к власти пришел В. Гомулка, Турский снова превратился в добродушного толстяка, ничем не отличавшегося от студентов, проживающих в общежитии, разве только своей речью, которая отличалась приятным акцентом.

Как-то в 1958–1959 годы на 14-м этаже ГЗ я столкнулся с ректором МГУ, академиком И. Г. Петровским, который шел с незнакомым мне человеком. Между ними находился Владик Турский. Позже из газет я узнал, что в Москву приехал ректор Варшавского университета, который посетил МГУ, где ему был оказан теплый прием ректором МГУ.

Обучение на военной кафедре проходили целый день с 10 до 16 часов каждую неделю. Занятия проходили оживленно, с юмором, некоторые шутки, видимо, повторялись из года в год. Когда полковник Певак объяснял, что траектория снаряда, выпущенного из пушки, есть парабола с вершиной вверх, неизменно следовал вопрос: а если пушку положить на бок, то можно стрелять из-за угла?

Наиболее колоритной фигурой был, без сомнения, полковник Блинов. Он в некотором смысле олицетворял российскую — именно российскую, а не советскую — армию. В нем как бы соединялись черты капитана Тушина и полковника Скалозуба, он был не лишен чувства юмора, но юмор

¹ Имеется в виду Польский Октябрь, или «Гомулковская оттепель», — политические процессы в Польской Народной Республике 1956 года, которые привели к десталинизации и определенной либерализации режима в Польше. — *Примеч. ред.*

его был скорее юмор Швейка. Высказывания полковника, его манера разговаривать, его присказки имели неизменный успех у студентов, передавались из уст в уста, от старших курсов к младшим.

Однажды произошел «смешной случай», оставшийся в памяти студентов на долгие годы. Разбирали действие атомной бомбы, брошенной вероятным противником, одетым, как правило, не в форму вермахта, а форму армии США, на различных расстояниях от КП (командного пункта). Выясняли, что делать, если известно, что бомба упала на расстоянии 10,5 или 1 километр от КП. Последовал естественный вопрос:

— Что надо делать, если бомба упадет непосредственно на КП?

— Ничего не делать, — последовал мгновенный ответ Блинова. — Будет братская могила. Такой «смешной» случай, — добавил полковник.

Лаборантом в аудитории работал отставной полковник Караманицкий. Услышав полное оптимизма высказывание Блинова, Караманицкий заметил, что у них в авиационном полку, в котором он служил во время Великой Отечественной войны, тоже был «смешной» случай.

— Не мешайте, Караманицкий! — строго сказал Блинов.

Но Караманицкий настаивал, и Блинов сдался:

— Только покороче.

Караманицкий рассказал, что поступил приказ высадить десант в немецком тылу в заданном районе. Когда самолет пересек линию фронта и оказался над указанным участком, все стали прыгать, а один то ли испугался, то ли зазевался, но вовремя не прыгнул, а самолет развернулся и пошел назад к своим, прыгать было уже бессмысленно. Когда самолет приземлился на аэродроме, незадачливого парашютиста за самолетом и расстреляли как дезертира.

— Вот тоже «смешной» случай, — резюмировал Караманицкий.

Наступила гнетущая тишина, которую прервал полковник Блинов словами:

— Вечно, вы, Караманицкий, со своими «смешными» случаями.

Вне аудиторных занятий шла оживленная жизнь. Многие москвичи дневали и ночевали у своих друзей в общежитии, предпочитая жизнь в МГУ жизни в коммунальной квартире с родителями. Ужесточение режима проживания в общежитии произошло несколько позже. Младшие курсы жили в общежитии на улице Кржижановского, что было достаточно далеко от ГЗ. Интересы вне занятий сводились к спорту, шахматам и вечерам отдыха. Особенно популярен был, конечно, футбол. Болели за «Спартак», «Динамо», ЦСКА.

Мой одноклассник Г. Плавник предложил всем пойти на стадион в Лужниках на футбольный матч СССР — Венгрия. Была осень 1956 года, стадион только что открыли; ни метро, ни метромоста не было. Мы по железнодорожному мосту возле парка Горького перешли Москву-реку и пешком дошли до Большой спортивной арены. Стадион был полон. Легендарная венгерская команда Ф. Пушкаша играла основным составом. За нашу сборную играли В. Иванов, Э. Стрельцов и другие великолепные футболисты, чемпионы Олимпийских игр 1956 года в Мельбурне.

В центре внимания был, конечно, Эдуард Стрельцов, находившийся тогда в прекрасной спортивной форме. Трудно забыть, что творилось на стадионе, когда мяч попадал к Стрельцову: казалось, весь стадион встает и ревет, требуя от нападающего результативного удара. Матч закончился вничью, но игра Э. Стрельцова и Ф. Пушкаша осталась в памяти надолго.

Этот матч я могу сравнить по впечатлению с матчем 1965 года, когда в Москву приехала сборная Бразилии во главе с легендарным Пеле и сыграла один матч в Лужниках, победив со счетом 3:0. Стадион на игру Пеле реагировал как ранее на игру Э. Стрельцова: когда Пеле получал мяч, стадион взрывался. На поле происходило что-то невероятное. Все футболисты обеих команд бежали к нашим воротам: наши — защищаться, бразильцы — нападать. Словно погонщик с хлыстом, Пеле с мячом гнал впереди себя всю эту массу футболистов. Как бы между делом, с завидной легкостью он обходил защитников и, приблизившись к воротам, бил по воротам или отдавал голевой пас под рев и ликование трибун.

Я делаю это отступление, так как хочу напомнить о судьбе нашего великого футболиста Эдуарда Стрельцова. Он мог повторить триумф Пеле, так как физические и профессиональные данные у него были по крайней мере не хуже. Он должен был играть на первенстве мира по футболу в 1958 году, где взойшла звезда Пеле, и потом еще на трех первенствах мира — в 1962, 1966, и 1970 годах, — где играл Пеле. И описанный мной матч 1965 года, вероятно, сложился бы иначе, если бы на поле был Стрельцов.

Единственное, в чем Стрельцов, вероятно, уступал легендарному Пеле, — в характере. А характер — это судьба.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО КАФЕДРАМ

Летом 1957 года наш курс уехал на целину, уехала и Юлия. Я остался в Москве работать в оперативном отряде во время Московского фестиваля молодежи и студентов. Осень 1957 года мы встретили уже в других группах, так как произошло разделение потока по кафедрам. Этому событию предшествовало наше знакомство с кафедрами, выступления заведующих и ведущих профессоров, агитирующих студентов за свои специальности.

Выбор кафедры был делом непростым; единственное, что было мне ясно, — следует идти на кафедры аэрогидродинамического цикла, т. е. либо на гидродинамику, либо на аэродинамику, либо на волновую и газовую динамику¹. В выборе кафедры играла определенную роль как личность самого заведующего кафедрой, так и его агитация. В. Медведев и М. Гишинский определились сразу: им понравилось выступление члена-корреспондента АН СССР, заведующего кафедрой аэродинамики Г. И. Петрова. Мы — Поручиков, Веня Марон и я — находились в растерянности. Веня тянул на кафедру гидродинамики. Конечно, академик Л. И. Седов — великий ученый, но что-то нас останавливало.

¹ Сейчас это кафедры гидромеханики, аэромеханики и газовой динамики и волновой и газовой динамики соответственно. — *Примеч. ред.*

Я уже собрался пойти на кафедру теории упругости А. А. Ильюшина, благо Юля и мой школьный друг Ю. Баш выбрали именно эту кафедру. Но так как Юля в этот период меняла поклонников каждый семестр, а меня по-прежнему в упор не видела, она ту жертву, которую я был готов принести, все равно бы не оценила, и я отказался от мысли идти на кафедру теории упругости.

Решающую роль сыграл В. Поручиков, вдруг безапелляционно заявивший, что мы все пойдем на кафедру волновой и газовой динамики, исходя из простого соображения, что кафедра имела очень широкий диапазон интересов и уже тогда занималась механикой сплошных сред в будущей трактовке Л. И. Седова, сама того не подозревая. Мы так и сделали, хотя все последующие годы Веня сетовал, что зря нас послушал и не пошел на гидродинамику.

АСПИРАНТУРА

Аспирантура играет заметную роль в формировании мехматовской элиты. Практически весь профессорско-преподавательский состав факультета, ведущие научные сотрудники Института механики МГУ — выпускники аспирантуры.

В середине 1950-х годов с легкой руки И. Шикина, любимого ученика Л. И. Седова, появился лозунг «Середняк пошел в аспирантуру». Перефразированный сталинский лозунг времен коллективизации, как всякий лозунг, ласкает слух, но мало что объясняет. После 1957 года множество аспирантов защитили кандидатские и докторские диссертации. Уровень этих диссертаций полностью соответствовал требованиям ВАКа. Лозунг, вероятно, появился скорее как ответ на мероприятия по значительному расширению аспирантуры. Рассказать обо всех невозможно. Остановлюсь только на одном, полностью опровергающем своей деятельностью вышеупомянутый лозунг, — В. П. Мясникове.

В 1958–1965 годы я часто общался с Вениамином, сыном Петра Вениаминовича Мясникова. Мясников был по курсу на год старше меня. Это был симпатичный, склонный к полноте молодой человек, чувствующий себя в мехматовской

атмосфере как рыба в воде. По информированности его можно было сравнить с И. Н. Зверевым. Он, подобно Звереву, на все вопросы, касающиеся мехматовской общественной жизни, только загадочно улыбался, ничего не говорил, но всем своим видом давал понять, что он в курсе всех событий, но распространять неподтвержденные слухи не намерен. В описываемый мной период В. Мясников писал диплом и участвовал в нашей самодеятельности. Роль профессора в спектакле «Москва — Ленинград» М. Гишинский поручил ему.

Мехматовская самодеятельность, конечно, не ограничивалась спектаклями нашего курса. Классная самодеятельность была на старшем курсе — так называемый ХДБ (хор домашних баритонов). Ставил сцены из современной польской драматургии В. Турский, были интересные исполнители современной эстрадной песни (М. Поликарпова) и становившейся модной авторской песни (В. Кузнецов, М. Каменева). Но все это уступало как по масштабу, так и по форме творчеству М. Гишинского.

Репетиции шли на сцене Клубной части, часто заканчивались поздно вечером. Участники собирались за кулисами; кто-то приносил бутерброды, кто-то — портвейн. Гишинский был обычно сосредоточен и молчалив, но весьма разговорчив был В. Мясников. Обращаясь ко мне, он как-то поинтересовался:

— Вот ты, Александр, что ты будешь сегодня делать, когда приедешь домой? — И, не дожидаясь моего ответа, продолжал: — Ляжешь спать. А я буду ночью работать. Надо наверстывать потерянное с вами время. Поэтому я стану большим ученым, а твое будущее весьма туманно.

Вещие слова!

Научная карьера В. П. Мясникова впечатляет. Защитив в 1962 году кандидатскую диссертацию под руководством Г. Г. Черного, он поступил доцентом на кафедру химической механики, организованной на мехмате на фоне развернутой в те годы Н. С. Хрущевым пиар-кампании «Большая химия». Возглавил кафедру член-корреспондент АН СССР В. Г. Левич, о котором мало что было известно, разве что он ученик Л. Д. Ландау и автор толстой монографии с назва-

нием, идентичным названию кафедры. На кафедре возник коллектив молодых и способных ученых, среди которых выделялся своими мехматовскими корнями В. Мясников. Он защитил докторскую диссертацию, а позже получил звание профессора.

Но произошло почти невероятное: член-корреспондент АН СССР В. Г. Левич подал заявление на выезд с семьей в Израиль. В конце 1960-х годов многие научные работники уехали в Израиль и далее в Европу, США. Эти факты дали компетентным органам новые аргументы в проведении так называемой национальной политики. На вакантную должность заведующего кафедрой химической механики было много желающих, но ректор МГУ академик И. Г. Петровский упразднил кафедру, как чуждую мехматовскому духу. К тому времени и Н. С. Хрущев, и «Большая химия» стали фигурировать разве что в работах историков да в анекдотах. Это событие существенно не повлияло на научную карьеру В. П. Мясникова; он стал профессором на кафедре аэродинамики. На этот период приходится расцвет научной деятельности В. П. Мясникова.

Поражает широта и масштабность деятельности Мясникова в 60–90-е годы прошлого столетия. Сначала появляется цикл работ совместно с П. П. Мосоловым, посвященный вариационным методам в теории течений жестко-вязко-пластических сред. Затем научные интересы В. П. Мясникова проявляются в теоретических работах, связанных с физикой Земли. Созданные им модели поведения земной мантии и методы расчетов поведения глубинных слоев земной коры принесли В. П. Мясникову международное признание.

Научные интересы В. П. Мясникова были неразрывно связаны с научными и техническими проблемами современности. Так, после трагедии Чернобыля в 1986 году он опубликовал монографию, посвященную теоретическим расчетам аварийного 4-го блока Чернобыльской АЭС. Появись эта монография до 1986 года, она могла бы претендовать на получение премии Нострадамуса. Научная и общественная деятельность В. П. Мясникова получила широкое признание, он был избран действительным членом РАН.

В благодарной памяти мехматовских поколений навсегда останутся два замечательных ученых и педагога, отец и сын, Петр Вениаминович и Вениамин Петрович Мясниковы.

ПРОФЕССУРА

И все же славу мехмату приносят не студенты, а, главным образом, его (мехмата) профессура. Заочное знакомство с профессурой мехмата у меня началось задолго до поступления в МГУ. Отец часто вспоминал своих преподавателей, среди которых было много блестящих имен: математики Н. Н. Лузин, Д. Ф. Егоров, И. И. Жегалкин, Д. Е. Меньшов, А. Я. Хинчин, И. И. Привалов, С. С. Бюшгенс; механики С. А. Чаплыгин, А. И. Некрасов, В. В. Голубев, Л. С. Лейбензон, Н. Н. Бухгольц, А. П. Минаков и многие другие.

Д. Е. Меньшов олицетворял все то, что в обыденной жизни связывают с понятием «рассеянный профессор-математик». Даже в 1960-е годы Д. Е. Меньшов производил неординарное впечатление. Высокого роста, с всклокоченными седыми волосами, громкоголосый, в свитере под пиджаком, он никак не ассоциировался с именем одного из ведущих ученых-математиков мехмата.

Но, по словам моего отца, лекции Меньшов читал блестяще, особенно производила впечатление его манера писать на доске. Д. Е. Меньшов в Коммунистической аудитории в здании на Моховой подходил к огромной грифельной доске и тонким куском мела каллиграфическим почерком начинал писать формулы с верхнего левого угла доски. Когда Меньшов исписывал всю доску, ставил точку в нижнем правом углу доски — звенел звонок, и лекция заканчивалась. Опоздавший студент мог восстановить пропущенный текст и получить полное представление о прочитанной только что лекции.

Очень нравились отцу лекции профессора И. И. Жегалкина, основоположника советской школы дискретной математики. Вот как, например, Жегалкин определял понятие относительности. В то время теория относитель-

ности А. Эйнштейна была у всех на слуху. И. И. Жегалкин для доказательства тезиса, что все в мире относительно, прибегал к такому сравнению. Дело происходило все в той же Коммунистической аудитории. Профессор говорит:

— Я стою в аудитории у доски в здании университета. Здание расположено возле Манежа. Но никто не станет утверждать, что я сейчас стою возле Манежа.

Здесь я приведу обширную цитату из великолепной статьи академика Л. С. Понтрягина [2], чье мнение, в отличие от мнения моего отца, может считаться мнением эксперта.

«Обладая незаурядными способностями к математике, я, однако, сосредоточил все свое внимание на изучении программы первого курса, в отличие от некоторых студентов, которые уже на первом курсе слушали лекции А. Я. Хинчина, посвященные, кажется, теории множеств и теории функций действительного переменного. Мне казались достаточно интересными и содержательными лекции профессора И. И. Жегалкина по анализу, лекции С. С. Бюшгеса по аналитической геометрии. Несколько тяготили меня лекции Д. Е. Меньшова по высшей алгебре из-за чрезмерной медлительности изложения, так что я минут за 20–30 вперед мог предвидеть то, что он скажет».

Далее Л. С. Понтрягин пишет:

«На втором курсе я сделал попытку заняться аналитической теорией чисел на семинаре, которым руководил А. Я. Хинчин. Эта попытка, однако, потерпела полную неудачу. На первом же занятии семинара я задал глупый вопрос, на который получил от А. Я. Хинчина довольно холодный и несколько презрительный, на мой взгляд, ответ. Вообще на семинаре Хинчина царил обстановка холодности. Совсем другая обстановка, сердечная и теплая, была на занятиях П. С. Александрова. Занятия небольших групп студентов зачастую происходили у него на квартире, что придавало этим занятиям особую интимность. В то время П. С. Александров, насколько помню, около 3-х четвертей своего времени проводил за границей. К началу 2-го курса П. С. как раз вернулся из-за границы с новыми идеями в области комбинаторной топологии. Его лекции не отличались

большой отделанностью, но зато содержали совершенно новый материал, что придавало им особую свежесть. Свой третий курс я провел без топологии, так как согласно описанной выше закономерности П. С. находился за границей. Зато я слушал лекции профессора Д. Ф. Егорова по разным предметам и особенно понравившийся мне курс интегральных уравнений.

К началу 4-го курса П. С. Александров вернулся из-за границы и привез с собой еще профессора фрейлейн Эмми Нётер. Лекции фрейлейн Нётер поражали своей отделанностью, отличаясь, в этом смысле, от лекций Александрова, но не были засушенными и казались мне очень интересными. Лекции свои фрейлейн Нётер читала на немецком, но они были понятны ввиду необычайной ясности изложения».

Среди механиков того времени наиболее маститым был академик Сергей Алексеевич Чаплыгин. В советское время было модно выдающихся людей в различных областях человеческой деятельности объединять в пары: Маркс — Энгельс, Ленин — Сталин, Жуковский — Чаплыгин, Станиславский — Немирович-Данченко, Мичурин — Лысенко, Келдыш — Седов, Ландау — Лифшиц. Первый в этой паре, как правило, был главным — коренным, второй — пристяжным.

В тандеме Жуковский — Чаплыгин обе фигуры одного масштаба. Хотя Чаплыгин и был учеником Н. Е. Жуковского, как ученый он ни в чем не уступал своему учителю. Академик С. А. Чаплыгин — математик и механик, своими работами по теории струй обогнавший время по крайней мере на четверть века; экспериментатор, организатор науки, после смерти Н. Е. Жуковского в 1921 году возглавивший научное руководство ЦАГИ, создатель советской гидроаэродинамической школы, из которой вышли В. В. Голубев, М. А. Лаврентьев, М. В. Келдыш, Л. И. Седов, Л. Н. Сретенский, Х. А. Рахматулин и многие другие выдающиеся ученые.

Крупным ученым, преподававшим в то время на мехмате, был академик Л. С. Лейбензон, ученик Н. Е. Жуковского и В. Г. Шухова. Л. С. Лейбензон — ученый большого таланта и огромной эрудиции, специалист в области гидродинамики, теории упругости, создатель современной нефте-

газовой гидродинамики, теории фильтрации. Его школу прошли многие впоследствии выдающиеся ученые механики: Х. А. Рахматулин, А. А. Ильюшин, Н. А. Слѣзкин и другие. Общий взгляд на теорию упругости, гидродинамику, гидравлику как на механику сплошных сред был свойственен подходу Л. С. Лейбензона. Он заложил вариационные принципы решения задач упругости и пластичности.

С точки зрения методики преподавания непревзойденным лектором и педагогом был молодой тогда доцент кафедры теоретической механики А. П. Минаков. Все, учившиеся у Андрея Петровича, с восторгом отзывались о его педагогических способностях, умении разобраться и объяснить тонкости решения задачи и выявить ту, на первый взгляд, незаметную деталь, с помощью которой удавалось найти правильное и изящное решение. А. П. Минаков обладал неистощимым чувством юмора и иногда беззлобно, но весьма остроумно подшучивал над незадачливым студентом.

Большинство преподавателей и выпускников мехмата были тесно связаны с промышленностью, особенно авиационной и оборонной. А. И. Некрасов, В. В. Голубев, М. В. Келдыш, Л. И. Седов, А. А. Ильюшин работали в ЦАГИ. Отец рассказывал мне, что, когда он пришел на работу в ЦАГИ в 1932 году, там более года работал М. В. Келдыш, о способностях которого уже тогда ходили легенды. Непосредственные начальники не могли загрузить талантливого и необычайно работоспособного молодого ученого, поэтому обратились к С. А. Чаплыгину, чтобы тот дал сложную задачу.

Чаплыгин, знавший М. В. Келдыша еще по МГУ, распорядился, чтобы последний занимался теми проблемами, которые найдет нужными, и только регулярно докладывал ему, Чаплыгину, результаты своей деятельности.

Вернемся, наконец, из далеких 30-х годов к теперь менее далеким 50-м годам XX века.

На втором курсе появляются преподаватели-механики. Из математических дисциплин, читаемых на 2-м курсе, отмечу лекции по теории обыкновенных дифференциальных уравнений. Эти лекции читал нам крупнейший математик того времени, академик Л. С. Понтрягин. Из-за своего физи-

ческого недостатка (он ослеп в 12-летнем возрасте) во время лекции Лев Семенович имел специально написанный для него текст, которым он редко пользовался, и говорил по памяти, а на доске писали его ассистенты, будущие академики Е. Ф. Мищенко и Р. В. Гамкрелидзе.

Л. С. Понтрягин был плотный мужчина, среднего роста, одетый в темный костюм и синий спортивный свитер. Лекции он читал хорошо, несколько подчеркнуто просто, вероятно все-таки считая нас, механиков, неспособными к восприятию сложных математических рассуждений.

1952–1956 годы были звездными годами в жизни Понтрягина. К этому времени он получил свои основные результаты по теории управления, сформулировал принцип максимума Понтрягина и жил в полной уверенности, что звездный дождь признания и славы не заставит себя долго ждать. Так и произошло: в 1958 году Понтрягин становится академиком, в 1962 году получает Ленинскую премию и признание широких масс не только математиков, но и всей научной общественности. Но тогда об этом всем догадывались только сам Лев Семенович, и, быть может, его ближайшие ученики.

К студентам Понтрягин относился очень доброжелательно, чего нельзя сказать про его ассистентов Мищенко и Гамкрелидзе, поведение которых у доски Понтрягина часто раздражало, и он делал им порой достаточно жесткие замечания. Его раздражала их кажущаяся нерасторопность и медлительность. Ассистенты, вероятно, хорошо знали своего шефа и практически не реагировали на его замечания.

На экзамен Л. С. Понтрягин не пришел, и мы сдавали прочитанный им курс своим семинарским преподавателям. У нас упражнения вел очаровательный преподаватель Леонид Иванович Камынин. Интересно, что это был последний случай, когда Л. С. Понтрягин читал курс второкурсникам-механикам. Вот что по этому поводу пишет в уже цитируемой мною статье сам Л. С. Понтрягин:

«Наше вторжение в чужую для нас область обыкновенных дифференциальных уравнений, я имею в виду Е. Ф. Мищенко, Р. В. Гамкрелидзе и себя (все мы были топологами), не было встречено на мехмате с симпатией. И наша трехлетняя деятельность на мехмате была прекращена.

Продолжать читать лекции мне не захотелось, а заметить себя кем-нибудь из двух упомянутых товарищей было невозможно, так как на это не согласился ректор МГУ, заведующий кафедрой дифференциальных уравнений академик И. Г. Петровский».

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АН СССР Н. Г. ЧЕТАЕВ

Механику как науку начинают изучать со 2-го курса. Самый большой механический курс — курс теоретической механики — читался три года (2–4-й курсы). Все эти годы курс читал нам крупнейший ученый, блестящий педагог и замечательный человек Николай Гурьевич Четаев. Это был мужчина среднего роста, склонный к полноте, с большой лысиной и очаровательной улыбкой. Читал он курс теоретической механики без замен и пропусков в течение трех лет, и все эти годы мой приятель Венья Марон и я сидели на первой парте в аудитории 16-10.

Заведующий кафедрой теоретической механики механика МГУ, главный редактор самого престижного журнала по механике — ПММ («Прикладная математика и механика») — Н. Г. Четаев был специалистом по теории устойчивости, классической механике, качественной теории дифференциальных уравнений. На лекции Н. Г. Четаев приходил в сопровождении своих учеников: Е. Н. Березкина, А. А. Боявленского, В. В. Румянцева, Н. Н. Колесникова. Лекции он читал свободно, не пользуясь никакими конспектами, останавливаясь на тонкостях доказательств, которые отсутствовали в постоянных курсах теоретической механики. Очень любил курс П. Э. Аппеля, которому следовал в изложении отдельных тем. В лекциях он придерживался концепции своих учителей — профессора Д. Н. Зелигера и академика В. А. Стеклова, считавших, что на лекциях читать нужно меньше, но лучше.

Н. Г. Четаев часто во время лекции давал студентам задачи, которые требовали для решения оригинального подхода. Обычно он подходил к Венье и ко мне и смотрел, как мы решаем: если у нас получалось, он быстро возвращался

к доске и давал исчерпывающее решение. Если нет, то ждал, когда кто-нибудь решит, поднимался к студенту, который нашел верное решение, и довольный возвращался к доске.

Экзамены на мехмате, особенно на младших курсах, — это начало всех начал. Экзамен Николай Гурьевич принимал своеобразно: он у всех спрашивал одно и то же — проекцию ускорения на касательную, нормаль и бинормаль. Отвечать надо было правильно, и Четаев ставил «отлично». Если студент не знал, что проекция ускорения на бинормаль равна нулю, то получал «хорошо».

На 3-м курсе семинар у нас вел Е. Н. Березкин, с которым, как мне казалось, отношения были не совсем благоприятные. Сдавали мы курс динамики: объем был большой, и я не чувствовал себя вполне уверенно. Я взял билет и пошел готовиться. Николай Гурьевич посмотрел на меня, будто что-то вспомнив, и со словами «Не мудрствуя лукаво» взял мою зачетку и поставил «отлично».

На 4-м курсе мы окончательно разошлись. Я уже второй год был на кафедре волновой и газовой динамики, и, хотя мы продолжали сидеть на первой парте на лекциях Четаева, былой близости между нами уже не было. Экзамен по аналитической динамике достаточно сложный, там много тонкостей, которые я толком не выучил, и шел на экзамен в нервном состоянии. Когда я брал билет, Четаев с любопытством посмотрел на меня. За три года он хорошо меня изучил и не питал на мой счет особых иллюзий. Он будто говорил мне, что времена изменились, история 3-го курса не повторится. Но здесь неожиданно вмешался Е. Н. Березкин. Со словами «Не мудрствуя лукаво», любимыми Четаевым, взял мою зачетку и поставил «отлично». Когда я проходил мимо, Николай Гурьевич снова с любопытством посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Мои отношения с Н. Г. Четаевым были достаточно простые: я не стеснялся задавать интересующие меня вопросы, весьма далекие от теоретической механики. Веня и я приходили на кафедру теоретической механики и подолгу разговаривали с Н. Г. Четаевым на самые разные темы.

По современным понятиям он был не стар, еще не достиг пенсионного возраста, но какая-то душевная усталость иногда

невольно проскальзывала в его поведении. У него была крупная проблема — избрание действительным членом АН СССР, членом-корреспондентом которой он был с 1943 года. Проблема избрания в Академию для многих ученых мехмата являлась основной в их карьерном росте и порой непреодолимой. Я еще неоднократно затрону эту тему, потому что сколько претендентов, столько и обстоятельств, которые либо мешают, либо способствуют избранию в святая святых российской науки. Камнем преткновения для Н. Г. Четаева было то, что он не был коренным москвичом, всегда подчеркивал, что он воспитанник Казанского университета, а там, как известно, Н. И. Лобачевский, А. М. Бутлеров, Н. Н. Зимин, Н. Г. Чеботарев, Н. Д. Зелигер. Школа теоретической механики в Казани была чрезвычайно авторитетная, и лучшие ее представители, к которым, без сомнения, принадлежал Н. Г. Четаев, не считали себя слабее московских, а в глубине души даже сильнее. Такое не прощается.

Я писал под руководством Н. Г. Четаева курсовую работу, у меня ничего не получалось. Как-то раз Николай Гурьевич поинтересовался, как у меня идут дела и почему я ничего у него не спрашиваю. Я засмутился, пытаюсь объяснить, что неудобно спрашивать готовое решение. Он рассмеялся и сказал, что руководит вновь организованной при институте механики АН СССР докторантурой. Затем он высказал соображение, подтверждение которого я неоднократно получал в дальнейшем.

Я спросил, как он учит будущих докторов наук.

— Как студентов! — последовал ответ. Четаев продолжал, — Соискатель долго выбирает тему; выбрав ее, пытается найти проблему по выбранной тематике, которая актуальна, и ему кажется, что он способен ее решить. Как правило, ему это не удается, тогда он обращается ко мне. Я предлагаю ему задачу. Через месяц докторант приходит и спрашивает, как решить поставленную задачу. Я указываю на конечный результат, но метод, как этот результат получить, не раскрываю. Спустя некоторое время я рассказываю все: постановку задачи, метод решения, предполагаемый результат. Докторант исчезает месяца на три. Потом появляется вновь и рассказывает мне, что он нашел проблему, знает способ ее

решения и хочет со мной обсудить полученный результат. Вероятно, он забыл, что я это все ему уже однажды рассказал, забыл и никогда уже не вспомнит.

Любопытный разговор произошел у меня с Н. Г. Четаевым по поводу лекций по дифференциальным уравнениям Л. С. Понтрягина. Я спросил, почему специалист по теории групп и топологии занялся проблемами обыкновенных дифференциальных уравнений и как он достиг в этой области впечатляющих результатов. Я понимал всю спекулятивность своего вопроса. Успехи Понтрягина в теории оптимизации не могли оставить равнодушным никого из тех, кто в той или иной мере занимался смежными вопросами. Не представлял исключения и сам Николай Гурьевич.

Суть его ответа сводилась к следующему: Понтрягин — блестящий математик, способный в каждой области математики добиваться выдающихся результатов. Смена направлений его исследований происходит из-за физического недостатка Понтрягина. Он не может постоянно двигаться в одном направлении, так как не имеет возможности быстро обозреть все полученные результаты. Он не может слишком далеко углубляться из-за боязни допустить ошибку или запутаться в тонкостях доказательств. А начиная работу в новой области, в силу таланта, опыта и интуиции ему удается получать новые интересные результаты.

Умер Н. Г. Четаев в октябре 1959 года (когда мы учились на 5-м курсе), не дожив и до 60 лет. Смерть его потрясла весь наш поток: слишком много за три года было связано с этим замечательным ученым, педагогом и прекрасным человеком. Он так и не стал академиком, хотя как ученый, бесспорно, был достоин этого звания. Косвенным подтверждением этого может служить присуждение Н. Г. Четаеву посмертно в 1960 году Ленинской премии за работы по устойчивости движения.

АКАДЕМИК Л. И. СЕДОВ

Наше знакомство с Леонидом Ивановичем Седовым началось еще на 2-м курсе. Он читал нам полуторогодичный

курс гидродинамики. Академик приходил на лекцию, как и Н. Г. Четаев, в сопровождении целой свиты: В. П. Карликов, М. Э. Эглит, Г. Я. Галин, В. В. Розанцева и другие. Состав свиты мог меняться, но сам Л. И. Седов присутствовал всегда. За три семестра он не пропустил ни одной лекции (исключение составляли отъезды в командировки), ни разу не поручал чтение лекции своим ассистентам. В отличие



от Н. Г. Четаева, он не вступал с аудиторией в дискуссии, вел себя подчеркнуто вежливо, доброжелательно, но без всякого намека на панибратство. Лекции Л. И. Седов читал блестяще, писал на доске красивым почерком, не пользовался конспектами и придерживался классического курса гидродинамики Н. Е. Кочина, И. А. Кибеля, Н. Ф. Розе. Перестройка преподавания гидродинамики, которую провел Л. И. Седов, введя курс механики сплошной среды с использованием тензорного исчисления, произошла двумя годами позже.

Среди заведующих кафедрами на отделении механики мехмата Л. И. Седов был «номером один». Леонид Иванович — академик Седов, как называл его академик А. Ю. Ишлинский, — был красавец-мужчина, блестящий ученый, великолепный лектор, основатель и бессменный руководитель современной школы гидродинамики. Л. И. Седов в течение полувека был центральной фигурой среди механиков на факультете. В целом судьба Седова как ученого сложилась удачно. Обладая блестящими математическими способностями, талантом механика, еще в студенческие годы он подружился с М. В. Келдышем и пронес эту дружбу вплоть до самой смерти последнего в 1978 году.

В паре Келдыш — Седов первым был, конечно, М. В. Келдыш, чьи таланты и работоспособность трудно переоценить. М. В. Келдыш достиг бы в науке значительно большего, если

бы не его огромная организационная работа по созданию вычислительной и космической техники в СССР и последующая деятельность на посту президента АН СССР. Злые языки утверждали, что независимость поведения Л. И. Седова на мехмате опиралась на безоговорочную поддержку со стороны М. В. Келдыша. Но когда после смерти Келдыша позиции Л. И. Седова не только не поколебались, а, наоборот, даже укрепились, стало ясно, что Леонид Иванович — непререкаемый авторитет в области механики в СССР и за рубежом.

На 50-летие Л. И. Седова, празднование которого происходило в Клубной части МГУ в 1957 году, собралась масса гостей, профессоров, аспирантов, студентов. В центре внимания — юбиляр: он был в расцвете сил, прекрасно выглядел и чувствовал себя победителем. За предшествующие пять лет он достиг многого: закончил цикл работ по точечному взрыву, получил Сталинскую премию, стал академиком.

В центре внимания присутствующих, кроме юбиляра, были академики М. А. Лаврентьев и М. В. Келдыш. Первый мог считаться учителем как юбиляра, так и Келдыша. У каждого из этой великолепной академической тройки было то, чем можно было гордиться, и многое еще было впереди. М. А. Лаврентьев незадолго до этого стал председателем Сибирского отделения АН СССР и мыслями был, вероятно, там, на просторах Сибири. М. В. Келдыш лучше других знал, кто был одним из двух главных героев месяц назад состоявшегося запуска первого искусственного спутника Земли. В будущем его ждал триумф полета в космос Ю. Гагарина, должность вице-президента, а затем президента АН СССР, вступление в элитарный клуб трижды Героев Социалистического Труда: А. П. Александрова, Б. Л. Ванникова, И. В. Курчатова, А. Д. Сахарова, Ю. Б. Харитона, К. И. Щелкина, Я. Б. Зельдовича, Е. П. Славского, Х. Турсункулова.

М. В. Келдыш, в коричневом костюме, с копной пепельно-седых волос, казался совсем молодым. Он на правах друга вел торжественный вечер, охарактеризовал научную деятельность Седова живо и с каким-то мальчишеским задором. Келдыш с воодушевлением описывал жизненный и научный путь Л. И. Седова. Чувствовалось, что он любит

юбиляра и искренне желает ему успеха. Сам М. В. Келдыш стоял у истоков будущей всесоюзной славы. Шел ноябрь 1957 года, уже более месяца над планетой вращался первый искусственный спутник Земли — детище С. П. Королева и М. В. Келдыша. Вся интрига состояла в том, что в силу секретности роль М. В. Келдыша в создании первого спутника была почти неизвестна. С легкой руки западных журналистов и отечественных спецслужб отцом первого спутника считался Л. И. Седов, который в момент запуска был где-то далеко, в Австралии.

Л. И. Седов относился к этой ситуации с юмором, так как у него было достаточно заслуг, о которых увлекательно рассказал М. В. Келдыш. Он говорил о работах юбиляра в области теоретической гидродинамики, теории глиссирования, теории обтекания крыльев и решеток потоками газа, о практических работах, выполненных под руководством Седова в области авиации, судостроения, теории математического моделирования. Особенных похвал Л. И. Седов заслужил за цикл работ по теории точечного взрыва. В приветствии Института астрономии АН СССР мне запомнилась фраза, вызвавшая взрыв аплодисментов:

— Ваша теория подобия, Леонид Иванович, поистине бесподобна!

Было море цветов, адресов и подарков. Среди генералов, адмиралов, генеральных конструкторов рассмотреть научных работников и других людей было почти невозможно. Это был триумф, который Л. И. Седов повторял еще неоднократно: в 1967, 1977, 1987, 1997 годах.

В начале 1960-х годов Л. И. Седов совершил революцию в преподавании механики в МГУ. Вместо трех курсов — гидродинамики, газовой динамики и теории упругости — он стал читать один курс — механика сплошных сред, — используя название классического учебника Л. Д. Ландау и Е. М. Лифшица. Л. И. Седов создал совершенно новый теоретический курс. Разработанные Седовым модели сплошных сред с учетом физико-химических, электродинамических и релятивистских эффектов, применение вариационных принципов решения задач механики сплошных сред позволили решить многие до тех пор нерешенные задачи.

Высочайший профессионализм, элегантность и аристократизм сочетались в Леониде Ивановиче с незаурядным актерским дарованием, которым он иногда пользовался. Как-то раз на партийное собрание, на котором обсуждались дела факультета, пригласили беспартийных заведующих кафедрами, в том числе Л. И. Седова. Появление Седова на партийном собрании — это событие, которое не могло пройти бесследно. Так и случилось. Л. И. Седов выступил и, среди прочего, обвинил профессора А. Я. Сагомоняна (члена парткома МГУ), в неблагоприятном поступке.

А. Я. Сагомонян — человек вспыльчивый, по-кавказски темпераментный — громогласно заявил, что за такие слова в приличном обществе можно получить по физиономии. Это была непростительная ошибка со стороны Артура Яковлевича. Хорошо зная Седова как ученого, он недооценил его как мастера красивого жеста. Академик встал во всем своем величии и хорошо поставленным голосом университетского профессора заявил:

— Если коммунисты приглашают беспартийных на свои собрания для «мордобоя», то его ноги не будет на подобных сборищах.

Повернулся и вышел, хлопнув дверью. Спустя некоторое время партком МГУ обязал А. Я. Сагомоняна принести публичные извинения Л. И. Седову, что и было сделано.

Л. И. Седов прожил на мехмате долгую жизнь: начав работать на факультете после окончания университета в 1930 году, он практически без перерыва проработал до 1998 года. Научная школа, созданная Л. И. Седовым, — самая представительная в отечественной механике. Среди его учеников академики — Г. Г. Черный, С. С. Григорян, А. Г. Куликовский, В. А. Левин, члены-корреспонденты РАН, множество докторов наук и несчетное число кандидатов наук. Школа механиков Л. И. Седова по масштабу и значимости на мехмате уступает разве что школе А. Н. Колмогорова, но это сравнение не совсем корректно, так как нельзя сравнивать математику и механику.

Заведующий кафедрой аэродинамики академик Г. И. Петров был в некотором смысле антиподом Л. И. Седову. Он не читал лекций; на мехмате работал по совместительству, не писал учебников и научных статей в открытой печати, но был ученым необычайно авторитетным, имеющим огромное влияние на все происходящее на факультете.

Он был высокого роста, с прекрасной шевелюрой седых волос, с характерным оскалом при улыбке, неизменно с папиросой во рту. Отец мой знал Г. И. Петрова по учебе в университете и по работе в ЛИИ, куда Петров приезжал в командировки. В 1943 году Г. И. Петров поинтересовался у моего отца, почему тот не защищает диссертацию. Отец ответил, что у него есть материал на две диссертации, но нет времени на оформление. Петров рассмеялся характерным для него смехом и сказал: — Вот я написал 10 страниц математических формул и защитил единогласно диссертацию на степень кандидата физико-математических наук.

Работа Петрова была посвящена применению метода Б. Галеркина к решению задачи гидродинамической устойчивости. Эта работа вызвала полемику на страницах журнала ПММ, о чем я расскажу несколько позже.

Следующий разговор с Георгием Ивановичем произошел спустя несколько лет, в начале 1950-х годов. Это было смутное время. Инициированная И. В. Сталиным борьба с космополитизмом приобретала порой просто анекдотические формы. Пирожные «Наполеон» и эклер переименовали в слоеное и трубочку с кремом соответственно; французскую булку — в городскую. Барельеф композитора Дж. Мейербера в Большом зале Московской консерватории заменили барельефом композитора А. П. Бородина и так далее. Появился анекдот, как на научной конференции докладчик постоянно употреблял фамилию ученого Однокамушкина, теорию Однокамушкина и так далее. Все были в недоумении, пока сам докладчик не объяснил, что Однокамушкин — это Альберт Эйнштейн.

В то время Г. И. Петров за эксперименты на сверхзвуковых трубах получил Сталинскую премию первой степени по технике.

Он рассказывал:

— Выдвинули троих: Г. Н. Абрамовича, еще одного с подобной фамилией и меня. Мандатная комиссия при комитете по Сталинским премиям оставила только меня.

Когда же встал вопрос об увольнении Г. Н. Абрамовича, Г. И. Петров встал на защиту последнего, тем самым дал возможность маститому ученому пережить смутное время.

Мое знакомство с Г. И. Петровым произошло в конце 2-го курса, когда он агитировал нас идти к нему на кафедру. Его выступление оказало сильное влияние на Гилинского и Медведева, которые после встречи с Г. И. Петровым выбрали кафедру аэродинамики. Из того, что говорил Петров, мне запомнилось следующее:

— Вы выбираете путь в науку и должны заниматься только наукой, хотя в жизни будет много соблазнов, стремление больше заработать. Я знал многих, кто работал на нескольких работах, занимался репетиторством в ущерб основной деятельности и, ничего не достигнув в науке, так и остался «ученым на побегушках».

В то время на кафедре аэродинамики, кроме Г. И. Петрова, преподавали профессор Г. Ф. Теленин, доценты В. А. Прокофьев, С. Г. Попов, А. А. Зайцев. Особенно выделялся профессор Г. Ф. Теленин. Несмотря на постоянные недомогания, он много и плодотворно работал, руководил дипломниками и аспирантами. Особенно ярко проявились способности профессора Г. Ф. Теленина в соревновании с О. М. Белоцерковским.

О. М. Белоцерковский занимался расчетами обтекания тел с отошедшей ударной волной. Он был учеником академика А. А. Дородницына. Он разработал весьма сложную теорию расчета течения в окрестности звуковой линии. Подобные расчеты могут быть осуществлены только численно с применением ЭВМ.

Профессор Г. Ф. Теленин, точно оценив возможности численного решения, упростил постановку и метод решения задачи. Совместно с группой молодых научных работников: В. Б. Миносцевым, Г. П. Тиняковым, М. М. Гилинским, Г. Запряновым — Г. Ф. Теленин создал оригинальный метод расчета сверхзвуковых течений газов. Все эти работы проводились при поддержке и деятельном участии Г. И. Петрова

ва. Метод Теленина хорошо себя зарекомендовал: расчеты, проводимые этим методом, дали те же результаты, что и расчеты О. М. Белоцерковского, но были на порядок проще и не такими большими. Первоначально метод Теленина был встречен академиком А. А. Дородницыным в штыки, но впоследствии все во всем разобрались. О. М. Белоцерковский и Г. Ф. Теленин за цикл работ «Расчет сверхзвукового обтекания тел с отошедшей ударной волной» получили Ленинскую премию.

Весной 1958 года в одной из комнат Института механики, принадлежащих отделу аэродинамики, в обеденный перерыв мы играли в шахматы, в блиц. В комнате находился заведующий кафедрой аэродинамики Г. И. Петров. Он был в хорошем настроении, курил, и по его виду можно было предположить, что он не прочь поговорить на псевдонаучные темы. Упустить такой случай было бы непростительной ошибкой, и я задал провокационный вопрос:

— Георгий Иванович, вы не собираетесь на работу в Сибирское отделение, к М. А. Лаврентьеву?

В то время многим членам-корреспондентам АН СССР предложили переехать на работу в Новосибирск с условием избрания действительными членами АН.

— А зачем? — поинтересовался Петров.

— Чтобы стать академиком.

— Нет, я нужен здесь. А академиком меня изберут этой осенью по основному отделению.

Осенью 1958 года Георгий Иванович Петров был избран действительным членом АН СССР в Москве.

Член-корреспондент АН СССР А. А. Ильюшин

Знакомство с заведующим кафедрой упругости профессором А. А. Ильюшиным произошло на 2-м курсе, когда он должен был читать курс сопромата. Правда, прочитал А. А. Ильюшин только одну лекцию. Он зашел в аудиторию 16-10, окинул скучающим взором присутствующих и начал лекцию. Лекция, возможно, и была интересной, но лектор излагал материал с таким видом, будто все, что он говорит,

давно известно не только ему, но и нам, и он искренне удивлен, что его заставляют излагать очевидные факты.

После перерыва А. А. Ильюшин с тем же скучающим видом продолжил лекцию, но формулы стал писать не на доске, а на столе, благо стол длинный и хорошо виден со всех мест аудитории. На следующую лекцию пришел доцент В. С. Ленский со словами, что А. А. Ильюшин очень занят и поручил ему читать курс сопромата.

На 3-м курсе история повторилась. На первую лекцию по теории упругости пришел А. А. Ильюшин; на этот раз на столе он ничего не писал, но выражение лица у него было по-прежнему скучающее, что не предвещало ничего хорошего. На следующую лекцию пришел В. С. Ленский и со словами, что А. А. Ильюшин из-за занятости не сможет продолжить лекции, прочитал нам годовой курс теории упругости.

А. А. Ильюшин — крупнейший ученый-механик, создавший современную теорию вязкопластичности, теорию малых упругопластических деформаций, теорию сложного нагружения, разработавший теорию устойчивости пластин и оболочек за пределом упругости. Им были получены блестящие результаты в областях гидродинамики и аэродинамики. Среди учеников А. А. Ильюшина достаточно назвать имена академиков А. Ю. Ишлинского и Ю. Н. Работнова, чтобы не перечислять десятки докторов и кандидатов наук, которые могут гордиться тем, что принадлежат к школе Ильюшина.

Ученик академика Л. С. Лейбензона, А. А. Ильюшин заявил о себе как о выдающимся специалисте в области механики твердого тела сразу после окончания механико-математического факультета МГУ. Работы, написанные Ильюшиным в 1933–1938 годах, стали классическими. Научная и общественная деятельность Ильюшина сложилась на редкость удачно. В 1943 году он вместе с М. В. Келдышем становится членом-корреспондентом АН СССР. Продолжая интенсивную научную работу, он в 1946–1960 годах избирается депутатом Верховного совета РСФСР, председателем Верховного совета РСФСР; занимает последовательно должности заведующего кафедрой упругости мехмата МГУ, ректора Ленинградского университета, директора Института механики АН СССР.

Обласканный советской властью, А. А. Ильюшин по не совсем понятным причинам не избирается в действительные члены АН СССР ни в 1946 году, когда становится академиком М. В. Келдыш, а Л. И. Седов — членом-корреспондентом АН СССР, ни в 1953 году, когда Л. И. Седов становится действительным членом АН СССР.

Эта закономерность сохраняется на все последующие годы. На одном из ученых советов в конце 1960-х годов, на котором А. А. Ильюшин в очередной раз выдвигается кандидатом в действительные члены АН СССР, он снимает свою кандидатуру, объясняя это тем, что при сложившейся в АН обстановке у него нет шансов быть избранным.

Проблема избрания в АН всегда была важнейшей в карьере каждого крупного ученого. Бесспорно, избрание в члены АН есть фактор признания заслуг и авторитета кандидата. Процесс выдвижения кандидатов в академики у механиков и математиков проходил по-разному. У механиков выборы носили корпоративный характер. С середины 1950-х годов до ухода с должности президента АН СССР в 1975 году все кадровые вопросы по отделению механики и процессов управления решались лично М. В. Келдышем. Зная кадры ученых-механиков-теоретиков и кадры генеральных конструкторов, он, соблюдая определенную пропорцию и указания ЦК КПСС, кроме ученых А. Ю. Ишлинского, В. В. Новожилова, М. Д. Миллионщикова, Н. Н. Моисеева, Б. Н. Петрова, Г. И. Петрова, В. С. Семинихина, Ю. Н. Работнова, П. Я. Кочиной-Полубариновой, ввел в состав академии генеральных конструкторов авиационно-космической и оборонной отраслей промышленности: С. П. Королева, В. П. Бармина, В. П. Глушко, П. Д. Грушина, В. И. Кузнецова, Г. В. Кисунько, Н. А. Пилюгина, В. Н. Челомея, М. К. Янгеля и других.

Следует признать, что указания ЦК партии носили характер рекомендации, которую можно было интерпретировать достаточно широко. По свидетельству постоянно упоминаемого мною академика Л. С. Понтрягина, эти рекомендации не носили характера партийного решения, а формулировались в форме «есть мнение», которое удалось изменить Л. С. Понтрягину в 1939 году.

Если в отделении механики и процессов управления главную роль играл М. В. Келдыш, то в отделении математики все определяла позиция директора Математического института имени В. А. Стеклова академика И. М. Виноградова. Вот свидетельство Л. С. Понತ್ರягина: *«Стекловский институт оказывает существенное влияние на всю математическую жизнь нашей страны. Выборы новых членов отделения математики АН СССР, присуждение Ленинских, государственных и именных премий математикам, присвоение ученых степеней и званий, международные отношения в области математики, издание книг по математике — вот неполный перечень вопросов, в которые может вмешиваться Стекловский институт, опираясь на своих сотрудников, и в очень сильной степени на исключительно высокий авторитет своего директора»*. Иногда это вмешательство приобретало причудливые формы. Так, всемирно известный математик И. М. Гельфанд в течение почти 30 лет, вплоть до смерти И. М. Виноградова, не избирался в АН СССР.

Люди у власти должны помнить и то, что АН представляет вечные ценности, какими являются наука и ее крупнейшие представители. Страсти, которые бушевали в связи с избранием в АН, бессонные ночи кандидатов и их близких, обиды и интриги — все проходит. Но останется твердая уверенность в том, что не избранные в АН Н. И. Лобачевский, Д. И. Менделеев, Н. Е. Жуковский, Н. Г. Четаев, Б. М. Левитан, А. А. Ильюшин, Х. А. Рахматулин внесли достойный вклад в российскую науку. Значительно более достойный, чем избранные в АН СССР «ученые», подобные Т. Д. Лысенко¹ или А. Я. Вышинскому².

¹ *Трофим Денисович Лысенко* — украинский и советский агроном и биолог. Основатель и крупнейший представитель псевдонаучного направления в биологии — мичуринской агробиологии, академик АН СССР, академик АН УССР, академик ВАСХНИЛ. Герой Социалистического Труда. Лауреат трех Сталинских премий первой степени. — *Примеч. ред.*

² *Андрей Януарьевич Вышинский* — советский государственный деятель, юрист, дипломат. Прокурор СССР, министр иностранных дел СССР, постоянный представитель СССР при ООН. Также занимал ряд других должностей. Доктор юридических наук, профессор,

А вот иная точка зрения. Д. Д. Ивлев утверждает, что появление академиков среди нас — свершившийся факт. Судить о том, будет ли толк от академиков, не имеет смысла; если на первых порах и будет, то с течением времени весь выйдет. Это закон природы, а против природы, как известно, не попрешь. Но физического исчезновения академии ждать долго, господа академики прекрасно умеют, имитируя работу [3].

АКАДЕМИК УЗССР Х. А. РАХМАТУЛИН

Заведующий кафедрой волновой и газовой динамики профессор Х. А. Рахматулин был крупнейшим механиком своего времени. После смерти В. В. Голубева должность заведующего кафедрой аэродинамики оказалась вакантной, и на нее стали претендовать Г. И. Петров и Х. А. Рахматулин. Чтобы избежать очередной конфронтации и сохранить для факультета двух выдающихся ученых, ректор МГУ академик И. Г. Петровский принял поистине соломоново решение: он предложил должность заведующего кафедрой аэродинамики Г. И. Петрову, а Х. А. Рахматулина попросил организовать новую кафедру. Выбрать название кафедры И. Г. Петровский поручил самому Х. А. Рахматулину. Так появилась на мехмате кафедра волновой и газовой динамики. Состав кафедры был немногочисленный: профессора Х. А. Рахматулин и А. Я. Сагомоян, доценты А. И. Бунимович (впоследствии профессор), И. Н. Зверев, А. Л. Павленко, старший преподаватель Ю. И. Грымза и руководители практикума М. П. Фалунин и Н. А. Алексеев.

Из перечисленных сотрудников кафедры в постоянном контакте со студентами находился ученый секретарь кафедры И. Н. Зверев. Когда я познакомился с И. Н. Зверевым, это был красивый, без малого сорокалетний мужчина высокого роста с прямыми золотистыми волосами. Он мог

а в 1925–1928 годах — ректор Московского государственного университета. Академик АН СССР. Организатор массовых репрессий, которые оправдывал в своих теоретических трудах. — *Примеч. ред.*

принадлежать, в моем понимании, к мехматовской элите: еще до Великой Отечественной войны он стал победителем одной из первых Московских математических олимпиад. Игорь Николаевич был очень хорошо образованным и профессионально подготовленным преподавателем, но ограничил свой карьерный рост защитой кандидатской диссертации и должностью доцента. Заняв эту нишу, И. Н. Зверев не без сарказма наблюдал, как его значительно более слабые коллеги защищают докторские диссертации и становятся профессорами. Он много лет работал на факультете, был свидетелем многих событий на послевоенном мехмате, хорошо помнил все этапы борьбы, закончившейся к нашему времени полной и окончательной победой партии Л. И. Седова.

Вторым человеком после Х. А. Рахматулина на кафедре волновой и газовой динамики был профессор А. Я. Сагомоян. А. Я. Сагомоян приехал в Москву из Карабаха. Великая Отечественная война застала его в аспирантуре; он прошел всю войну в танковых войсках, а вернувшись, защитил последовательно кандидатскую и докторскую диссертации. Научные работы его не отличались академизмом, но они были всегда новаторскими. Для работ А. Я. Сагомояна характерны оригинальность постановки, глубокое проникновение в сущность механической проблемы. Лучшими учениками Сагомояна были А. Г. Багдоев и В. Б. Поручиков. Сагомоян и Поручиков прекрасно дополняли друг друга: блестящая механическая интуиция А. Я. Сагомояна и виртуозное владение математическим аппаратом В. Б. Поручиковым могли оказаться чрезвычайно плодотворным для обоих, но резкие различия в характерах, в темпераменте или, как теперь говорят, в ментальности не позволили достаточно широко развиться этому бесспорно перспективному творческому союзу.

Профессор А. Я. Сагомоян был крупным общественным деятелем в масштабе университета, обладал незаурядной политической интуицией, которая, правда, иногда давала сбои, как в уже описанном случае с Л. И. Седовым. Если по букве А. Я. Сагомоян был учеником В. В. Голубева, то по духу он был последователем Х. А. Рахматулина.

Из ученых-механиков, по моему мнению, крупнейшим был Халил Ахмедович Рахматулин. Именно механик. Сейчас есть множество механиков: механиков-геологов, механиков-химиков, механиков-медиков и тому подобное, — Х. А. Рахматулин был чистый ученый-механик, наследовавший лучшие традиции московской школы механиков, традиции Н. Е. Жуковского, С. А. Чаплыгина и Л. С. Лейбензона. Это был ученый поистине огромного масштаба, чем-то похожий на титанов эпохи Возрождения. Он так и не научился говорить без акцента и правильно ставить ударения, но ученым-механиком он был великолепным.

Проблемы, которые ставила перед ним наука и практика, Х. А. Рахматулин решал с завидной легкостью и элегантно-стью. Он создал и получил основные результаты в теории парашюта, в теории распространения волн в твердых телах; он открыл волну разгрузки — одного этого открытия было достаточно, чтобы имя Х. А. Рахматулина навсегда осталось в науке. Он создал и получил первые результаты в теории грунтов (пластический газ). В 1956 году Х. А. Рахматулин вывел замкнутую систему дифференциальных уравнений для описания поведения многофазных систем. Дальнейшее обобщение и развитие механика многофазных систем получила в работах учеников Х. А. Рахматулина: профессора В. И. Марона (Веня), академика РАН Р. И. Нигматулина и других ученых.

Р. И. Нигматулиным создана целая научная школа, деятельность которой нашла признание как в России, так и за рубежом.

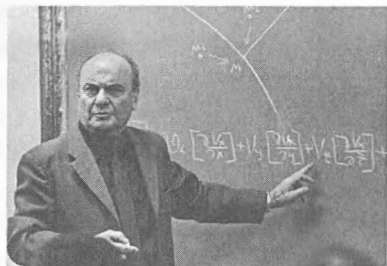
В течение многих лет Х. А. Рахматулин был главным научным консультантом НИИ-88. Под его руководством были испытаны и рассчитаны многие образцы космической техники.

Но ни руководство кафедрой, ни работа в оборонной, авиационной и космической промышленности не были в 1950–80-е годы прошлого века главным в научной и общественной деятельности Х. А. Рахматулина. Вся его кипучая энергия была направлена на создание школы механиков на юге и востоке нашей родины, в Закавказских, Среднеазиатских республиках и Молдавии.

Бесчисленные аспиранты и докторанты из Армении, Азербайджана, Узбекистана, Туркмении, Казахстана, Таджикистана, Молдавии своим приобщением к современной науке были обязаны Х. А. Рахматулину — выдающемуся ученому, педагогу и просто хорошему, остроумному и талантливому человеку.

ПРОФЕССОР А. Я. САГОМОНЯН

Заслуженный профессор Московского Университета, заслуженный деятель науки РСФСР Артур Яковлевич Сагомонян родился 23 марта 1914 года в городе Андижане. В 1939 году после окончания механико-математического факультета Московского университета А. Я. Сагомонян был зачислен в аспирантуру НИИ механики МГУ. С началом Великой Отечественной войны в 1941 году ушел на фронт и до конца войны сражался в рядах действующей армии, был тяжело ранен. В октябре 1941 года Сагомонян в звании лейтенанта был направлен в отдельный противотанковый полк, который после кровопролитных боев на западном направлении влился в состав 108-й стрелковой дивизии.



В июле 1942 г. он был ранен и, выйдя из госпиталя, получил направление в 3-ю (позже — гвардейскую) танковую армию начальником артснабжения бригады. В составе этой армии он участвовал в сражениях сначала на украинском фронте, воевал в Польше. Потом, после второго ранения, брал Берлин, освобождал Прагу; закончил войну в Австрии. За боевые действия А. Я. Сагомонян награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды и медалями.

По окончании войны А. Я. Сагомонян вернулся в Московский университет. В 1947 году после защиты кандидатской диссертации был оставлен для научно-педагогической рабо-

ты на кафедре аэромеханики¹ механико-математического факультета МГУ. Одновременно был назначен заместителем директора по научной работе НИИ механики МГУ. В 1954 году Сагомоян защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора физико-математических наук. С 1956 года Сагомоян — профессор кафедры газовой и волновой динамики. Он активно участвовал в общественной жизни Московского университета, был членом партийного комитета МГУ, председателем комитета народного контроля МГУ, заместителем секретаря партийного комитета механико-математического факультета.

А. Я. Сагомоян — выдающийся ученый-механик. Его научное творчество было посвящено исследованиям в различных областях механики сплошных сред. Им решен ряд новых нестационарных задач движения сплошных сред, созданы их математические модели. Результаты его исследований задач дифракции и взаимодействия ударных волн в сплошных средах, математического моделирования явления взрыва в средах типа грунтов и бетона, проблем проникания твердых тел в эти среды, а также пробивания слоистых преград имеют фундаментальное научное и прикладное значение. Результаты этих исследований способствовали решению важных практических задач и созданию новой техники. Научные труды А. Я. Сагомояна широко используются в инженерной практике и при подготовке специалистов для работы в области создания новой техники.

В последние годы жизни Сагомоян уделял большое внимание научным исследованиям, имеющим экологическую направленность. Его научные интересы охватывали вопросы математического моделирования эрозии почв и оползней на склонах возвышенностей.

А. Я. Сагомоян вел большую педагогическую работу на кафедре. Им читались курсы по газовой динамике, распространению волн в сплошных средах. Он подготовил большое число научных работников, под его руководством защищены 43 кандидатских диссертации, пять учеников защитили

¹ С 1955 года — кафедра аэромеханики и газовой динамики. — *Примеч. ред.*

впоследствии докторские диссертации. Среди них нельзя не отметить А. Г. Багдоева и В. Б. Поручикова (последнему в этом издании посвящена целая глава). Многие его ученики успешно работают в различных научно-исследовательских институтах и высших учебных заведениях.

А. Я. Сагомонян — автор более 200 научных работ, в том числе шести монографий и двух учебных пособий. Им были опубликованы следующие монографии: «Пространственные задачи по неустановившемуся движению сжимаемой жидкости» (М., 1962); «Вопросы динамики грунтов» (М., 1964) (в соавторстве); «Пространственные задачи неустановившегося движения сжимаемой жидкости» (М., 1970) (в соавторстве); «Проникание» (М., 1974); «Удар и проникание тел в жидкость» (М., 1986); «Динамика пробивания преград» (М., 1988). Учебные пособия под его авторством: «Газовая динамика» (М., 1965) (в соавторстве); «Волны напряжения в сплошных средах», (М., 1985).

Научная и педагогическая деятельность А. Я. Сагомоняна была отмечена орденом «Знак Почета». В 1990 году за работы в области механики он был удостоен звания Лауреата премии Совета Министров СССР, а в 1995 году решением Ученого Совета МГУ ему было присвоено почетное звание Заслуженного профессора Московского университета. В 2002 году А. Я. Сагомоняну в соавторстве с М. С. Кузнецовым и В. М. Гендуговым была присуждена Ломоносовская премия за цикл работ по математическому моделированию эрозии почв.

Феномен Сагомоняна стоит специального обсуждения. Это был человек ученый, типичный представитель советской эпохи, чья карьера и судьба сложилась исключительно успешно; при этом он оставался прекрасным человеком: честным, порядочным, не склонным к компромиссам, пытавшимся всегда отстаивать свою точку зрения, когда это было не просто, а то порой невозможно.

Он рассказывал мне, что в начале 1944 года дивизия, в которой он служил, должна была освободить украинский город. Командир дивизии пригласил к себе Артура Яковлевича и сказал: «Получен приказ взять город. В случае успеха экипаж первого танка, ворвавшегося в город, получают зва-

ния Героев Советского Союза. В первом танке буду я, командир, ведущий танк, и предлагаю тебе». Командир дивизии добавил, что только что разведка доложила, что немцы покидают город без боя. Сагомонян отказался. Все шло как по плану, но с одним исключением. Немцы действительно ушли из города, но на пути наших войск оставили одно артиллерийское орудие, которое и ударило прямой наводкой по первому танку. Водитель был убит, командир дивизии потерял обе ноги. Все получили Героев, но цена была слишком высока. Сагомоняна часто подводил его темперамент (как пример — эпизод в главе, посвященной академику Л. И. Седову).

Яркий представитель великого многонационального советского народа, талантливый ученый, ветеран Великой Отечественной войны, общественный деятель, партийный функционер, честный порядочный человек — таким остается в нашей памяти Артур Яковлевич Сагомонян.

Я думаю, что если бы большинство членов КПСС в конце 80-х годов прошлого века были подобны А. Я. Сагомоняну, процесс распада СССР прошел бы для нас, россиян, по более благоприятному историческому сценарию.

ДРУГИЕ ПРОФЕССОРА

Академик И. М. Гельфанд

На старших курсах В. Марон и я часто ходили на лекции известных ученых, в частности мы посещали спецкурс «Теория представления групп», который читал профессор И. М. Гельфанд. Лекции он читал в аудитории 16-24. Аудитория была полна студентов и аспирантов-математиков. Однажды Гельфанд несколько задерживался, но вот по аудитории пронесся легкий шепот: в дверях появились Г. Е. Шилов, Н. Я. Виленкин и другие профессора. Все предвещало появление самого И. М. Гельфанда.

Он вошел в аудиторию как-то незаметно, положил на стол тонкий черный портфель и, открыв в столе крышку, начал регулировать освещение с таким энтузиазмом, буд-

то цель его прихода в этом и состояла. Добившись нужного эффекта, И. М. Гельфанд победоносно посмотрел на аудиторию, как бы говоря: «Вот как надо обращаться с современной техникой».

С именем И. М. Гельфанда связано множество легенд и анекдотов. Одна из легенд — это появление Гельфанда на мехмате.

Легенда о Золушке: университетский вариант

Когда Израиль Гельфанд окончил 9-й класс школы в небольшом местечке под Одессой, учитель математики сказал ему:

— Изя, дорогой, я больше ничему тебя не смогу научить. Езжай в Москву, найди там МГУ, а в МГУ — мехмат. Учись дальше, и ты станешь великим математиком!

На механико-математическом факультете МГУ девятиклассник дошел только до секретаря деканата.

— Молодой человек, где ваш диплом об окончании средней школы? — возмутился секретарь. — Ах, у вас его еще нет! Тогда езжайте к себе назад на Украину и приходите через год, с дипломом!

Но вернуться домой Гельфанд уже не мог — так запали в душу слова учителя о великом будущем. Он решил остаться в Москве и, чтобы заработать на жизнь, устроился гардеробщиком в Ленинскую библиотеку — всё как-то ближе к книгам.

Однажды его заметил там за чтением монографии по высшей математике молодой, но уже знаменитый математик Андрей Николаевич Колмогоров.

— Мальчик! Зачем ты держишь в руках эту книгу? — спросил ученый. — Ведь ты не понимаешь в ней ни строчки.

— Я извиняюсь, товарищ профессор, но вы не правы! — парировал Израиль.

— Не прав? Тогда вот тебе три задачи — попробуй решить хотя бы одну до моего возвращения. У тебя есть два часа!

Колмогоров пробыл в библиотеке дольше, чем рассчитывал, и, вернувшись за пальто, отдал номерок другому гардеробщику, совершенно забыв о поручении юному Гельфан-

ду. Уже на выходе из вестибюля он услышал позади робкий оклик:

— Товарищ профессор! Я их решил...

Андрей Николаевич вернулся, взял у Гельфанда исписанные торопливым почерком листки, выданные из школьной тетради, и с изумлением обнаружил, что все задачи решены, причем последняя, самая трудная, — необычайно изящным и неизвестным ему способом.

— Тебе кто-то помог? — не мог поверить профессор.

— Я извиняюсь, но я решил все сам!

— Ты сделал это сам? Тогда вот тебе еще три задачки. Если решишь две из них, возьму на мехмат к себе в аспирантуру. У тебя на все про все четыре дня.

На пятые сутки Колмогоров появился в гардеробе Ленинки и направился напрямик к тому сектору, который обслуживал Израиль Гельфанд.

— Ну, как дела? — любопытствовал профессор.

— Мне кажется, я их решил... — мальчик протянул математику листы с задачами.

Колмогоров погрузился в чтение. Изучив листки, ученый поднял голову, внимательно посмотрел Изе в глаза и сказал:

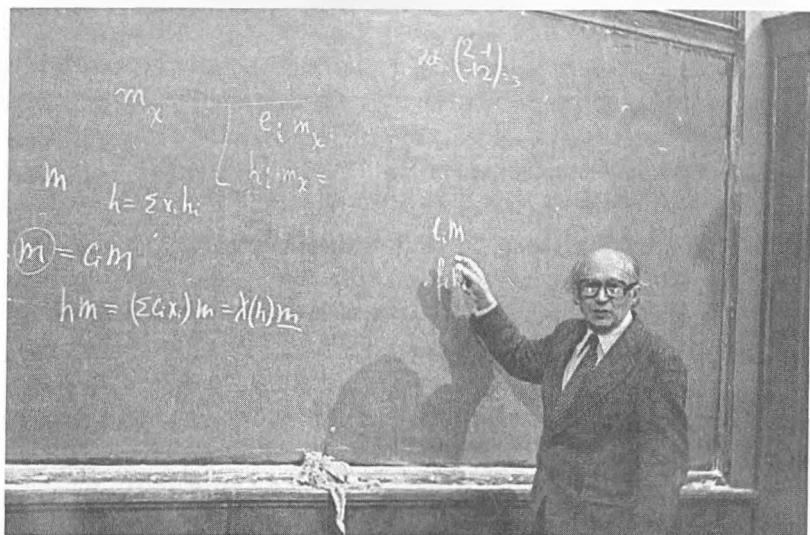
— Извините меня, пожалуйста, за сомнения в авторстве решений тех первых задач. Теперь я вижу, что вам никто не помогал. Дело в том, что ни в этой библиотеке, ни за ее пределами вам никто не мог подсказать решение нынешней третьей задачи: до сегодняшнего дня математики считали ее неразрешимой! Одевайтесь, я познакомлю вас с ректором МГУ.

Они застали ректора в его кабинете на Моховой. Тот сидел за столом, заваленным бумагами, и что-то напряженно писал. Ректор лишь мельком взглянул на вошедших.

— Андрей Николаевич! Мне надо срочно дописать документ, а вы врываетесь ко мне с каким-то мальчишкой!

— Простите великодушно, но это не мальчишка, а Израиль Моисеевич Гельфанд, гениальный математик, — уверенно представил Изю ректору первого университета страны Колмогоров. — Он любезно согласился пойти ко мне в аспирантуру. Прошу вас распорядиться.

Вот почему так случилось, что академик Гельфанд никогда не учился в 10-м классе и никогда не был студентом.



Израиль Моисеевич был невысокого роста, с острыми чертами лица, чем-то похожий на героев сказок Гофмана. Он заявил, что будет сегодня читать «Преобразования Фурье». Поднялся сначала легкий, а потом все нарастающий ропот возмущения: «Мы знаем преобразования Фурье. Мы не хотим слушать программу 3-го курса».

И. М. Гельфанд был неумолим:

— Я знаю, что вас учили преобразованию Фурье, но, во-первых, вы не слышали эту теорию в моем изложении, во-вторых, преобразование Фурье — это то, что я знаю лучше всего, и, слушая меня, вы получите удовольствие.

Поняв, что спорить бесполезно, аудитория успокоилась.

Первые формулы и преобразования были достаточно простыми и известными студентам технических вузов, не говоря о студентах и аспирантах мехмата. Но вот, стоя лицом к доске, Гельфанд делает еще одно преобразование, и полученная формула вызывает недоумение в аудитории.

Раздается голос Г. Е. Шилова:

— Израиль Моисеевич, как это у вас получилось? Я не понимаю.

Казалось, что Гельфанд только ждал этого вопроса. Он поворачивается к Шилову:

— Не понимаете? А вы, Георгий Евгеньевич, напрягитесь — быть может, и поймете!

Сверху кто-то кричит, что лектор применил свертку по другой переменной и формула, написанная на доске, верная. Гельфанд смотрит вверх, откуда раздался голос, радостно кивает и вновь переводит взгляд на Шилова и Виленкина, которые тоже всё уже поняли, но продолжали задавать недоуменные вопросы, вероятно чтобы доставить удовольствие уже Гельфанду.

Читал И. М. Гельфанд лекцию хорошо, а виртуозность, с которой он делал преобразования, приводила аудиторию то в недоумении, то в восторг.

И. М. Гельфанд почетный доктор Оксфордского университета (1973), Парижского университета (Сорбонны) (1975), Гарвардского университета (1976), Принстонского университета (1977), Упсальского университета (1977), Лионского университета (1984) и Пизанского университета (1985).

Почетный иностранный член Американской академии искусств и наук (1964), Американского математического общества (1966), Лондонского математического общества (1967), Национальной академии наук США (НАН США) (1970), Королевской Ирландской Академии (1970), Королевской Шведской академии (1974), Академии наук Франции (1976), Лондонского королевского общества (1977), Академии наук Италии (1988) и Академии наук Японии (1989). Избран действительным членом АН СССР (1984).

Один из создателей теории нормированных колец. Автор фундаментальных результатов в области теории групп Ли (теория бесконечного унитарного представления непрерывных групп), теории обобщенных функций, теории топологических линейных пространств, обратных задач спектрального анализа, квантовой механики, математических методов в биологии. В области дифференциальных уравнений, базируясь на работах С. Л. Соболева и Л. Шварца в области обобщенных функций и распределений, Гельфандом была решена обратная задача для уравнений Штурма — Лиувилля. Вместе с И. Н. Бернштейном и С. И. Гельфандом

была решена задача представлений групп Ли. Продолжил работать среди прочего в области интегрируемых систем, комбинаторики, теории гипергеометрических функций, некоммутативной математики, теории многомерных детерминантов, создал (вместе с О. В. Локуциевским) метод прогонки для решения систем линейных уравнений, возникающих при численном решении уравнений с частными производными. В 1960-е годы работал над топологической классификацией эллиптических операторов, основываясь на наблюдении индекса как гомотопического инварианта ведущего символа (эти открытия привели к важной теореме индекса Атья — Зингера). Вместе с Б. М. Левитаном и Л. А. Диким разработал подход к обратным спектральным задачам и теорию рассеяния.

Гельфанд занимался также и прикладными аспектами математической методологии в различных областях физики, биологии, медицины, сейсмологии, информатики.

Академик Л. Д. Ландау

На 3-м курсе мы с Веней решили углубить свои знания физики и стали ходить на физфак слушать лекции академика Л. Д. Ландау. Лекции академик читал просто, ясно, не пользуясь конспектами или записями. Излагал теорию предельно доходчиво, иллюстрируя теоретический материал многочисленными примерами и задачами. Обращался с физическими константами с множеством нулей после запятой (типа массы электрона или постоянной Планка) с завидной легкостью. Производя в уме громоздкие вычисления, Л. Д. Ландау не допускал арифметических ошибок или просто описок.

Когда подошло время экзамена, Л. Д. Ландау взял свою книгу, написанную совместно с Е. М. Лифшицем, «Статистическая физика» и зачитал номера параграфов, которые следует выучить. Он несколько раз повторил, что следует учить только перечисленные параграфы.

В течение семестра мы пытались как-то обратить на себя внимание и дважды писали академику записки. Первая

касалась проблемы максвелловских демонов. Прочитав записку и, видимо, не желая ничего объяснять, Ландау, как «стихийный материалист», ответил: «Какие демоны? Они в природе не существуют».

Здесь он, вероятно, подобно Берлиозу из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, несколько поспешил с выводами.

Вторично мы написали записку, когда в апреле 1958 года академик Н. Н. Боголюбов получил Ленинскую премию за работы по сверхтекучести. Здесь ответ Л. Д. Ландау был менее лаконичным и, с моей точки зрения, довольно знаменательным: «Мною еще до войны были получены все основные результаты в этой области». Его слова оказались пророческими: через 5 лет Л. Д. Ландау присудили за эти работы Нобелевскую премию.

Последний раз я видел Л. Д. Ландау в середине 1960-х годов после трагедии, которая произошла с ним при поездке в Дубну. На семинаре П. Л. Капицы в институте физических проблем АН СССР докладывалась работа по уравнению состояния металлов при сверхвысоких давлениях. Л. Д. Ландау слегка опоздал к началу. Он пришел в сопровождении медсестры, одет был в пижаму, и только роскошный фиолетовый мохеровый шарф напоминал о былой элегантности и вкусах великого физика. П. Л. Капица, обыкновенно строго придерживающийся раз и навсегда установленного порядка ведения семинара, здесь остановил докладчика, дав возможность Ландау и сопровождающей его медсестре расположиться в первом ряду, и только тогда продолжил семинар.

Академик А. Н. Колмогоров

Андрей Николаевич Колмогоров — почетный член множества иностранных академий и научных сообществ, удостоен премии Бальцана, которую называют «Нобелевской премией математиков». Ему присвоили звание Героя социалистического труда, была присуждена Ленинская премия.

Весной 1963 года произошло знаменательное событие в жизни факультета: академику А. Н. Колмогорову исполнилось 60 лет. Андрей Николаевич — математик мирового

масштаба, самый авторитетный ученый на мехмате, живая легенда. Колмогоров был среднего роста с седыми прямыми без намека на лысину волосами, двигался стремительно, но как-то боком, будто рассекая невидимую воздушную стену.

В 1955–1959 годы он был деканом мехмата, часто и по долгу находился на факультете, но неизменно при его появлении в коридорах мехмата раздавался шепот: «Вот идет Колмогоров».

Лекции он читал своеобразно, говорил быстро, дикция его была не безупречна. Но каждое слово, сказанное академиком, имело глубокий смысл. Слушать его было трудно, потому что мысль Колмогорова часто обгоняла его слово. Казалось, он разбрасывал свои мысли, словно цветы из букета, но прежде чем вы насладитесь красотой и ароматом цветка, этот цветок предстояло поднять.

Вся жизнь А. Н. Колмогорова связана с мехматом, который он окончил в 1925 году и где он работал в должности профессора с 1931 года. Тогда он считался первым среди молодых математиков университета. Годы шли, Колмогоров вырос, но первое место среди математиков не уступал никогда: где бы он ни был, все признавали его лидерство, никто даже не пытался соревноваться.

Шестидесятилетие праздновали в актовом зале МГУ на Ленинских горах; народу было много, но актовый зал огромный, так что место можно было найти. В подготовке и проведении юбилея активное участие принимали молодые ученые — ученики А. Н. Колмогорова: В. И. Арнольд, Л. Д. Мешалкин, Р. Л. Добрушин, В. Н. Татубалин, Я. Г. Синай, В. А. Успенский. Все выступавшие отмечали огромный вклад юбиляра в математику и другие науки. Все сошлись на том, что легче перечислить отрасли знаний, в которые не внес вклад А. Н. Колмогоров, чем наоборот. Все разделы классической математики, механика, биология, лингвистика, кибернетика, теория информации, теория вероятностей и статистика, педагогика нашли отражение в трудах А. Н. Колмогорова. Особое место в его деятельности заняло создание интернатов для ребят с математическими способностями.

Наиболее интересным, с моей точки зрения, было выступление самого юбиляра. А. Н. Колмогоров говорил о своих

учителях: Н. Н. Лузине, П. С. Александрове, П. С. Урысоне. Мне запомнилось в выступлении А. Н. Колмогорова та часть, в которой он говорил о самых важных результатах в своей многолетней работе, что он считает высшим достижением своего научного творчества.

В конце 20-х годов XX века П. С. Александров часто ездил за границу (об этом уже говорил Л. С. Понтрягин). В одной из поездок по Германии он встретился с великим немецким математиком Д. Гильбертом. Д. Гильберт — патриарх среди математиков — очень тепло принял П. С. Александрова; они обсуждали проблемы современной математики. К сожалению, о работах русских и советских математиков Д. Гильберт знал немного. И вдруг, что-то вспомнив, он оживленно заговорил: «У вас в России есть молодой математик — Колмогоров, кажется. Я читал его заметку, где приведен пример интегрируемой функции, ряд Фурье которой почти нигде не сходится. У него великое будущее, так как подобный пример мог придумать только человек феноменальных математических способностей».

— Действительно, это самое блестящее, что удалось мне сделать в математике, не потому что это самое главное, а потому, что с точки зрения математика мне удалось сделать то, больше чего сразу сделать почти невозможно. Это было какое-то озарение, когда одним математическим выражением я смог удовлетворить стольким необходимым условиям, — говорил Андрей Николаевич.

С этим высказыванием Колмогорова солидарна академик Н. П. Бехтерева, специалист по деятельности головного мозга. Н. П. Бехтерева считает, что лучшие идеи, форма их воплощения происходят на подсознательном уровне [4].

Что может показаться экстравагантной фантазией для большинства, то для выдающихся ученых естественное состояние. Высоко оценивая способности человеческого разума, эти ученые еще выше ставят интуицию, которая объединяет чувства и мысли, она выше интеллекта и эмоций, взятых по отдельности.

Россия может гордиться своей наукой, культурой, искусством. Но когда дело доходит до самых-самых, мы говорим об А. Пушкине и Л. Толстом, Ф. Достоевском и П. Чайков-

ском, Л. Ландау и А. Колмогорове. Сравните творчество двух последних в 20–60 годах прошлого века — вы увидите, сколь плодотворна и многогранна деятельность этих ученых, какой гигантский вклад сделан ими: первым — в физику, вторым — в математику. Сравните школы этих гениальных ученых, только если взять академиков. Ландау — А. А. Абрикосов, И. М. Лифшиц, Е. М. Лифшиц, А. Б. Мигдал, И. Я. Померанчук, И. М. Халатников; Колмогоров — Б. В. Гнеденко, И. М. Гельфанд, Ю. В. Прохоров, М. Д. Миллионщиков, Ю. А. Розанов, В. А. Обухов, А. С. Монин, В. И. Арнольд, Я. Г. Синай. А сколько ученых, не являясь учениками Ландау и Колмогорова, опирались в своих трудах на их идеи и методы?

А. Н. Колмогоров — великий русский ученый-математик мирового масштаба, сравнимый с И. Ньютоном и Л. Эйлером.

Заканчивая этот обзор некоторых событий и имен, навсегда вошедших в историю мехмата, должен остановиться еще на одном моменте. Ученые, о которых шла речь, жили в неоднозначную эпоху, многие из них сидели в тюрьме, как, например, А. И. Некрасов, С. П. Королев, А. Н. Туполев или Л. Д. Ландау; другие были сосланы, как староста храма Христа Спасителя профессор Д. Ф. Егоров. Все без исключения ходили по лезвию бритвы.

В период 1936–1938 годов как никогда в России власть была так далеко от народа и народ далек от власти: «Мы живем, под собою не чуя страны...»¹. Никто из власть имущих не мог про себя сказать словами А. А. Ахматовой, что «был со своим народом, там, где народ, к несчастью, был»².

Люди не выдерживали, шли на сделку с совестью, и обвинять их за это просто кощунственно. Как писал Б. Л. Пастернак:

*Напрасно в годы хаоса
Искать конца благого.*

¹ Строка одноименного стихотворения О. Э. Мандельштама. — *Примеч. ред.*

² «Я была тогда с моим народом // Там, где мой народ, к несчастью, был» — строки из поэмы «Реквием» А. А. Ахматовой. — *Примеч. ред.*

*Одним карать и каяться.
Другим — кончать Голгофой¹.*

Нельзя не восхищаться нравственным потенциалом наших великих ученых, которые создавали научные шедевры: в математике — это А. Н. Колмогоров; в физике — П. Л. Капица, Л. Д. Ландау; в химии — Н. Н. Семенов; в генетике — Н. И. Вавилов, Н. Н. Кольцов; в физиологии — И. П. Павлов; в психиатрии — В. М. Бехтерев; в экономике — А. В. Чаянов; в авиации и космонавтике — М. В. Келдыш, А. Н. Туполев, С. П. Королев, В. П. Глушко, М. К. Янгель; в кибернетике — С. А. Лебедев.

Несмотря ни на что создавались великие произведения науки и искусства, делались блестящие открытия, были совершены прорывы в микромир и космическое пространство. В генетическом здоровье нации, в ее интеллектуальном потенциале — залог прогресса и процветания России.

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

Весной 1960 года мы окончили университет. Поручиков, Марон и я были рекомендованы в аспирантуру от нашей кафедры; от аэродинамики в аспирантуру поступил В. Медведев, от кафедры упругости — Ю. Баш. Юлия Суворова и М. Гишинский распределились в НИИ механики МГУ. Постепенно начинала налаживаться личная жизнь, многие соединили свою судьбу с однокурсниками. На выпускном вечере Г. Плавник произнес знаменательные слова: «Выпьем за наш родной факультет, который дает нам не только образование, но и жен». Сам Г. Плавник женился одним из первых на однокурснице. Суворова тоже вышла замуж, правда не за студента, а преподавателя.

Выпуск 1960 года был в некотором смысле пограничным: так, мы были последние, кто учился в школе отдельно; мы были последними, кто учился на мехмате вместе с астрономами; мы были последними, кому присвоили звание офи-

¹ Строки из поэмы «Лейтенант Шмидт» Б. Л. Пастернака. — *Примеч. ред.*

цера СЗА (среднекалиберной зенитной артиллерии). В мае того года успешным запуском ракеты был сбит американский самолет-шпион, пилотируемый летчиком из США Г. Пауэрсом. После этого события приказом Н. С. Хрущева зенитные войска были расформированы и основными средствами ПВО стали ракетные войска.

И все же судьба нашего поколения сложилась счастливо. Мы входили в жизнь вместе с хрущевской оттепелью, наступили, по выражению А. А. Ахматовой, «вегетарианские времена», и это отразилось на всех сторонах нашей жизни. Уже на 2-м курсе нам зачитали знаменитое письмо XX съезда КПСС, которое оказало огромное влияние на все последующие события. Но главное, что отличало наше поколение от предшествующих, — это то, что Великая Отечественная война коснулась нас косвенно. Война явилась тем рубежом, который отделил прошлое, до войны, и настоящее, после нее. Студенты и сотрудники мехмата, кому удалось пережить тяжелые военные годы, возвращались в Москву, в университет. Многие после армии пришли заканчивать учебу, аспирантуру. Среди них были будущие профессора мехмата Г. Г. Черный, В. П. Нетребко, Р. С. Гусарова, Б. М. Левитан, И. А. Тюлина, А. Я. Сагомоян, В. С. Ленский и многие другие. Каждая судьба по-своему уникальна.

Так, Г. Г. Черный ушел на фронт студентом, проявил на поле боя незаурядную смелость, после войны окончил МГУ, защитил две диссертации, стал академиком, директором НИИ механики МГУ, заведующим кафедрой аэродинамики.

Крупный советский ученый-математик, воспитанник Харьковской математической школы, профессор Б. М. Левитан был мобилизован в начале войны в Харькове. Там у него в оккупации осталась семья: жена и только что родившаяся дочь. В 1943 году, когда вышел указ ГКО о демобилизации из действующей армии всех докторов наук, Б. М. Левитан оказался в Москве, куда к нему приехали чудом выжившие жена и дочь. В течение многих лет профессор Б. М. Левитан преподавал на мехмате, его многочисленные ученики успешно работают во многих вузах и НИИ страны, среди его учеников — профессора мехмата А. Г. Костюченко и ректор МГУ академик В. А. Садовничий.

Б. М. Левитан работал по совместительству на кафедре математики в Артиллерийской инженерной академии имени Ф. Э. Дзержинского. Заведующий кафедрой профессор Г. П. Толстов решил поменять место работы и подал заявление начальнику академии генералу армии Г. Ф. Одинцову. Одинцов потребовал найти кандидатуру на должность заведующего. Через несколько дней Г. П. Толстов предложил кандидатуру Б. М. Левитана. Для убедительности он представил рекомендацию от академика А. Н. Колмогорова. Одинцов рекомендацию читать не стал, а только спросил:

— Кто это Колмогоров?

— Товарищ генерал армии, Колмогоров — маршал математики! — последовал ответ Г. Толстова.

Одинцов все понял и тут же подписал приказ о назначении Б. М. Левитана заведующим кафедрой. Спустя несколько лет генерал Одинцов получил звание маршала артиллерии.

В 1962 году за выдающийся вклад в отечественную науку Б. М. Левитан был удостоен звания лауреата Ленинской премии.

Поучительна биография другого выпускника мехмата, профессора И. Я. Верченко. Иван Яковлевич родился в селе Ивановка на Украине. До 1922 года Иван Яковлевич учился в сельской трудовой школе, потом работал на динамитном заводе. В 1922 году в результате произошедшего на заводе несчастного случая он лишился правой руки. Несчастье не сломило деревенского паренька. После длительного лечения он окончил рабочий факультет МГУ и поступил в 1929 году на физико-математический факультет МГУ на отделение математики. Будучи студентом, И. Я. Верченко совместно со своим научным руководителем профессором А. Н. Колмогоровым публиковал статьи в журнале «Доклады академии наук СССР».

И. Я. Верченко после окончания университета и аспирантуры защитил в 1937 году под руководством А. Н. Колмогорова кандидатскую диссертацию и был направлен на преподавательскую работу в Ростовский государственный университет. Там у него учился А. И. Солженицын.

В начале войны И. Я. Верченко вышел из окружения в районе Ростова, добрался до Москвы. Спустя некоторое

время его жена и четверо детей, чудом избежавшие оккупации, тоже приехали в столицу, где на оборонном заводе № 82 работал И. Я. Верченко.

После войны И. Я. Верченко успешно защитил под руководством А. Н. Колмогорова докторскую диссертацию, посвященную настолько передовому в то время разделу математики, что на его работы обратило внимание руководство спецслужб СССР. В 1949 году он был приглашен научным руководителем отделения Марфинской лаборатории закрытого НИИ. Подобные НИИ в то время в народе называли «сталинскими шарашками». И. Я. Верченко занимался совершенно новой по тому времени проблемой — проблемой защиты информации, передаваемой по техническим средствам связи. Задача была поставлена И. В. Сталиным. За ходом ее решения внимательно следило высшее руководство МВД СССР. Примечательно, что среди заключенных, работающих в «шарашке», оказался А. И. Солженицын.

Вся эта ситуация подробно описана Солженицыным в его романе «В круге первом», который был экранизирован и показан по Центральному телевидению. Ивана Яковлевича, по роману — Петр Трофимович Веренёв, в фильме сыграл актер В. Конкин, прославившийся исполнением роли Шарапова в сериале С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя».

В апреле 1953 года на совещании у Л. П. Берии И. Я. Верченко вступил в полемику с министром МВД по вопросу существования «абсолютно стойких шифров» [5]. Потребовалось всего 15 минут на оформление увольнения И. Я. Верченко из органов. Он оказался безработным, без выходного пособия. Счастьем для И. Я. Верченко оказалось то, что события произошли через месяц после смерти «большого друга советских ученых», а то последствия полемики с Берией могли быть совершенно непредсказуемыми. Все бывшие сослуживцы Ивана Яковлевича осуждали его поведение и удивлялись, что его не посадили. Когда же через три месяца Берию арестовали как шпиона всех империалистических разведок вместе взятых, те, кто еще вчера ругал И. Я. Верченко и требовал расправы над ним, теперь восхищались его даром предвидения. Он снова был востребован системой и приглашен на работу в Высшую школу КГБ им. Ф. Э. Дзержинского.

До 1955 года одним из основных центров по подготовке специалистов по криптографии было закрытое отделение на механико-математическом факультете МГУ. Впоследствии все задачи по подготовке специалистов в области криптографии были возложены на технический факультет Высшей школы КГБ, который в 1963 году возглавил И. Я. Верченко. Здесь ярко проявился его педагогический талант, позволивший ему воспитать сотни высокообразованных специалистов.

100-летие со дня рождения И. Я. Верченко стало поводом в очередной раз подчеркнуть роль выпускников мехмата МГУ в становлении и развитии отечественной криптографии.

Но не всегда судьбы студентов мехмата складывались столь удачно. В начале осеннего семестра 1957/58 учебного года в нашей группе появился студент Н. Попов. Плотный, моложавый, лысоватый, он был лет на десять старше каждого из нас. Судьба Н. Попова — свидетельство той «турбулентной» эпохи, из которой вышли наши родители и мы сами и, несмотря ни на что, остались людьми.

Н. Попов был сыном второго секретаря ЦК Украины Н. Н. Попова. Вместе с другими руководителями республики — П. П. Постышевым, С. В. Косиором — отец Попова был расстрелян в конце 1930-х годов. Что происходило в момент ареста родителей с 12-летним ребенком, не знаю, но когда Н. Попову в 1944 году исполнилось 18 лет, он скрыл, что он сын «врага народа», ушел добровольцем на фронт и воевал до окончания войны в 1945 году. Тогда же он поступил на 1-й курс мехмата и учился вплоть до 1948 года, когда начался очередной виток террора. Нашлись «доброжелатели», которые все раскопали. Попов был арестован и получил 10 лет лагерей. Но так как он был студентом 3-го курса мехмата, он попал не на урановые рудники, а в одну из «шарашек». Он рассказывал, что работал и спал рядом с учеными, которые составляют сейчас гордость отечественной науки. В «шарашке» определился круг научных интересов Н. Попова, связанный с баллистическими установками, способными метать твердые тела со скоростями, близкими к космическим.

После окончания университета Н. Н. Попов защитил кандидатскую диссертацию и возглавил лабораторию адиа-

батических установок в НИИ механики МГУ. Конечно, академизма, столь уважаемого на мехмате, ему не хватало, но в институте немало сотрудников, чья математическая подготовка была значительно слабее, чем у Попова, но они прекрасно проработали до глубокой старости. Н. Попов был вынужден уйти из института в «почтовый ящик», где уже в 1965 году защитил докторскую диссертацию.

Причина ухода Н. Попова была не только в научных разногласиях с руководством института. Она была значительно глубже и своими корнями уходила во вторую половину 1940-х годов, в эпоху «развитого сталинизма», когда кипели нешуточные страсти на факультете, отголоски которых доходили изредка до нас в виде на первый взгляд ничем не мотивированных поступков или решений. Жизнь Н. Попова трагически оборвалась: он умер в 1968 году от сердечного приступа в самолете, когда летел в Новосибирск на научную конференцию. Ему было 42 года.

Помню, как еще в студенческие годы Попов призывал меня активнее относиться к жизни.

— Почему ты такой пассивный, Александр? В тебе не чувствуется юношеского задора. — И продолжал: — Это потому, что ты в детстве ел мало черной икры! А у нас, при жизни родителей, по утрам стояло ведро с черной икрой, и ели ее столовыми ложками!

Какая икра? Мое детство проходило во время войны.

Н. Б. МАРЬЯМОВ

Детство отца прошло на одной из тихих и зеленых улиц на окраине Екатеринослава¹. Воспоминания детства не были особенно разнообразны: большая семья, живущая почти впроголодь в маленьком деревянном доме с удобствами на улице без электричества, отопления и водопровода. Единственно яркое впечатление, оставшееся на всю жизнь в памяти отца, — это река Днепр. Тот самый Днепр, который «чуден при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь

¹ Сегодня — город Днепр, Украина. — *Примеч. ред.*

леса и горы полные воды свои. Пышный! Ему нет равной реки в мире»¹. Бесконечное южно-украинское лето, начинающееся в апреле и заканчивающееся где-то в октябре, было связано с рекой: купанием, рыбной ловлей, катанием на лодках, играми на песчаном пляже.

К 1917 году у отца за плечами было четыре класса приходского городского училища, после учиться не представлялось возможности. Из способностей, которыми мальчик был наделен от рождения, выделялась феноменальная память. Стоило ему прочесть рассказ или услышать стихотворение, как они отпечатывались в его памяти надолго. Он умудрился запомнить почти все статьи из первого тома энциклопедии Брокгауза и Эфрона, случайно оказавшегося у него в руках.

Последующие события как бы подтвердили постулат Э. М. Ремарка, который утверждал, что каждый ребенок мужского пола теряет индивидуальность с приходом половой зрелости. Так случилось и с отцом, правда несколько по другим обстоятельствам.

В 15 лет, в 1920 году, чтобы заработать на кусок хлеба и помочь безработному отцу прокормить маленьких братьев, мой отец пошел на работу по дезинфицированию тифозных выгонов на Южной железной дороге. Работа тяжелая, опасная, хорошо оплачиваемая, за которую не брались взрослые мужчины, осознавая всю степень риска. Работал он с напарником — таким же, как он, 15-летним парнишкой. Как-то в перерыве, когда один состав уже был продезинфицирован, а другой еще не подали, подростки размечтались о будущем: кончится война и придет наконец мир.

— Что такое счастье? — несколько высокопарно спросил отец. — Как ты его себе представляешь?

Ответ приятеля запомнился на всю жизнь:

— Счастье — это большой кусок черного хлеба, обильно посыпанного солью, луковица, подножка последнего вагона товарного поезда — едешь, куда глаза глядят.

¹ Цитата из произведения Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». — *Примеч. ред.*

Отец заболел тяжелой формой сыпного тифа, провалялся в больнице на грани между жизнью и смертью почти два месяца, полностью облысел и потерял свою феноменальную память. Нет, конечно, память у него осталась блестящая, он помнил все, что знал в детстве, но легкость, с которой он дословно запоминал все услышанное и прочитанное, была утрачена навсегда.

После болезни отец медленно возвращался к нормальной жизни. Он заметно повзрослел, стал интересоваться политикой, благо для этого появились объективные предпосылки. За младшей сестрой Елизаветой ухаживал Осип Осипов, председатель Екатеринославского губчека. Хотя власть на Украине и, в частности, в Екатеринославе переходила из рук в руки, создавалось впечатление (и оно оказалось верным), что окончательная победа достанется красным.

Так ранней весной 1920 года, когда Красная армия в очередной раз вошла в Екатеринослав, Елизавета дала отцу пригласительный билет на собрание партийного актива города. Выступал председатель Реввоенсовета, нарком обороны Л. Троцкий. Будучи блестящим оратором, он мгновенно овладел вниманием тысячного зала, заполненного красноармейцами, рабочими. Он говорил о победах Красной армии, что неудачи на фронте временные. Объявил город Екатеринослав красной крепостью, который навсегда останется в руках большевиков. Утром следующего дня город заняли белополяки, Красная армия, несмотря на все заверения Л. Троцкого, отступила, правда уже ненадолго. Окончательная победа большевиков коренным образом изменила жизнь. Осипов, получив ответственный пост во Внешторге, уехал в Москву; там же стала работать и Елизавета.

Весной 1923 года отец приехал в Москву и поселился у сестры в роскошном доме возле Красных ворот, где сейчас располагается Постоянное представительство Республики Саха (Якутия). О. Осипов работал директором сельскохозяйственной выставки, незадолго до того открытой в Нескучном саду.

Как-то октябрьским вечером 1923 года, придя домой с работы, он торжественно заявил:

— Я теперь долго не буду мыть эту руку. Ее сегодня днем пожал Владимир Ильич Ленин!

— Это, вероятно, сон, Осип Яковлевич, — не без иронии заметил мой отец. Всем было известно, что Ленин болен и не выезжает из Горок.

— Ты можешь говорить что хочешь, но это был Ленин с Надеждой Константиновной.

Действительно, в начале октября 1923 года Ленин был в Москве и, возвращаясь в Горки, посетил сельскохозяйственную выставку в Нескучном саду.

Отец мечтал о получении высшего образования. Но только в 1926 году, проработав более трех лет на заводе слесарем, он поступил на рабфак, по окончании которого, подал документы на физико-математический факультет Московского государственного университета. Успешно сдав вступительные экзамены, отец оказался на 1-м курсе прославленного факультета не менее прославленного университета.

Университет встретил отца радушно. Он быстро перезнакомился со своими однокурсниками, дружеские отношения со многими из которых сохранил на долгие годы.

Новая жизнь была интересной, соблазнительной и непредсказуемой. Он подружился с сокурсниками, которые по возрасту и социальному положению сильно различались. Среди его друзей оказались коммунист из Баку, кавалерист из Первой конной, сын академика-геофизика, 18-летний юноша — потомок самых элитных слоев московской интеллигенции.

Особое восхищение отца вызывали преподаватели, которые читали лекции на 1-м курсе: Н. Н. Лузин, А. И. Некрасов, М. Е. Егоров, Д. Ф. Миньшов, И. И. Жегалкин, Л. С. Лейбензон. Каждый лектор, выдающийся математик или механик, читал самобытно, блестяще владея материалом. Многие годами до революции жили за границей, что не могло не отразиться на манере их преподавания. Так, А. И. Некрасов, прекрасно владеющий французским, обозначая треугольник, употреблял аббревиатуру ABC, произнося последнюю букву на французский манер «С», а не латинское «Ц».

Д. Ф. Миньшов, тогда молодой приват-доцент, очень высокого роста, с необычайно длинной шеей, производил впечатление человека рассеянного, не от мира сего. Однако лекции

читал необычайно четко и строго, скорее не читал, а писал каллиграфическим почерком. Лекцию Меншов продолжал с того слова, которым заканчивал предыдущую. Отец с его феноменальной зрительной памятью получал эстетическое удовольствие оттого, что все написанное запечатлелось, словно на типографических матрицах.

Студенты тоже были не лишены оригинальности. Так, на семинарских занятиях, которые вела профессор О. Н. Цу-бербиллер, одна из первых русских женщин — профессор математики, последовательниц С. В. Ковалевской, отвечал студент Г. Двухшерстов.

— Чему равен синус угла в 30 градусов? — поинтересовалась Ольга Николаевна.

— Я не знаю, что такое синус, — в смущении ответил студент.

— Но это знает каждый старшеклассник!

— Я в школах не учился.

— Как же вам удалось поступить в университет на математический факультет, не зная тригонометрии? Прошу вас, покиньте аудиторию и не возвращайтесь, пока не выучите, что такое синус.

Воцарилась гнетущая тишина. Г. Двухшерстов собрал книги и медленно двинулся к выходу. Он был одет в сапоги, галифе и гимнастерку. Из-под гимнастерки были хорошо видны очертания большого револьвера. Ольга Николаевна тоже увидела.

— Товарищ студент, вернитесь назад и продолжайте занятия, как обычно.

Отец ездил в Университет на трамвае и познакомился со слепым студентом-старшекурсником, Львом П., которому он помогал на улице и с которым у него сложились товарищеские отношения.

Осенью 1928 года в Москву для чтения лекций приехала всемирно известный математик Эмми Нетер. Профессору Нетер принадлежали формулировка и доказательство фундаментальной теоремы математической физики, так называемой теоремы Нетер. Смысл этой теоремы сводился к тому, что любая симметрия порождает некоторые законы сохранения. На этот раз Эмми Нетер приехала читать лекции по общей алгебре. Приезд женщины-профессора, выдающего

ся математика, вызвал у научной и студенческой аудитории ажиотаж. Лекции Э. Нетер, которые она читала в Коммунистической аудитории университета на Моховой, собирали великое множество людей.

На первой лекции отец оказался рядом со своим слепым знакомым. Э. Нетер читала по-немецки, но все было понятно из-за своей отделанности и необычайной ясности изложения. Тогда произошло совершенно необыкновенное происшествие, которое осталось навсегда в памяти присутствующих. В момент, когда фрейлейн Нетер протянула руку вверх, чтобы написать на доске очередную формулу, ее нижняя юбка стала постепенно сползать, что не могло скрыться от внимания слушателей.

В гнетущей тишине происходило сползание юбки, а фрейлейн Нетер продолжала невозмутимо читать свою блестящую лекцию. Наэлектризованность аудитории передалась знакомому, и он стал настойчиво требовать, чтобы отец объяснил, что происходит.

— Что, фрау Нетер допустила ошибку? — поинтересовался П.

— Все правильно. Это касается только туалета.

— Ей надо в туалет? Как они догадались?

— Не в туалет, а туалета фрейлейн, ее юбки.

— При чем здесь юбка?

— Она сползла.

— Куда, зачем? — Не поняв, Л. П. обиделся на отца, затаив обиду на всю жизнь.

Их шапочное знакомство на этом не закончилось. Спустя несколько лет оно получило продолжение, довольно неудачное для Марьямова.

Весной в день своего рождения отец решил организовать мальчишник, пригласил своих друзей и сослуживцев по МГУ и ЦАГИ. Были Мясников, Попов, Двухшерстов, Лыткин, Бойко, Елин, Гроссман. Пили, ели, шутили, желали отцу успехов в зарождающейся научной карьере. Попов и Мясников, оканчивающие аспирантуру мехмата, постоянно уговаривали отца поступить хотя бы в заочную аспирантуру.

— Пойми, настоящий ученый, кроме идей и теорий, должен иметь степени и звания, а они немислимы без аспиран-

туры, — говорил уже весьма захмелевший Петр Мясников. — Мы тебя подготовим хотя бы морально, а все организационные вопросы возьмет на себя Двухшерстов. Ты ведь знаешь, что он свой человек как в парткоме, так и в деканате.

Серьезно о поступлении в аспирантуру отец не задумывался, но теперь, когда с темой диссертации было относительно ясно, он отнесся к предложению Мясникова с интересом. Однако, когда дело дошло до вступительных экзаменов, оказалось, что мест на отделении механики нет.

— Ты поступаешь на математику, а потом мы тебя переведем, — заверил Двухшерстов.

— Как же я сдам экзамен на отделение математики, когда даже список вопросов к экзаменам по математике для меня — лес темный?

— Тебя спросят по дифференциальным уравнениям и элементарным вопросам из высшей алгебры, которых ты не можешь не знать.

В экзаменационную комиссию входили: Н. Н. Лузин, члены комиссии доцент Д. Ф. Меньшов, старый знакомый отца Л. П. и другие преподаватели мехмата МГУ. Г. Двухшерстов присутствовал в качестве представителя администрации.

Отец сильно нервничал. Вся эта афера с поступлением на отделение математики ему не нравилась, и он не надеялся на благополучный исход сомнительного предприятия. Отца направили к столу, за которым сидели двое: один неизвестный Петру профессор, второй — его старый знакомый Л. П. Просмотрев документы, профессор прочитал:

— Марьямов, окончил МГУ в 1932 году, работает в ЦАГИ.

— Марьямов — механик, почему он поступает в математическую аспирантуру? — поинтересовался Л. П.

— Лев Семенович, этот вопрос не ко мне, а к приемной комиссии. Документы в порядке. Формальных оснований для отказа у нас нет.

— Формально — так это формально. Вы действительно собираетесь поступать в математическую аспирантуру?

Стало ясно, что Л. П. его прекрасно помнит и не простит ему того досадного инцидента, который произошел много лет назад на лекции Эмми Нетер. Так и случилось.

— Какими разделами математики вы владеете?

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ.МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ.

11 - с/с/в/а/з 1933.

№ 1/12

Гор. МОСКВА.



СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Выдано настоящее свидетельство гражданину
Марьямову Науму Борисовичу
родившемуся в гор. Днепрпетровске

в 1905 году 6 Мая месяце 20 числа, в том, что
он действительно поступив в 1928 году 1 Сентября месяца

1 числа в Московский Государственный Университет
на Механическое отделение, выполнил все требования
учебно-производственного плана по специальности Аэродинамика
к 1932 году 1 Июня месяца 1 числа и
закончил Университет 1932 г. 1 числа 1 Июня м-ца

Гражданину Марьямову присваивается
квалификация научного работника 2 разряда в области Аэродинамики
и преподавателя ЕУЗ'а и ВТУЗ'а



Заведующий

Директор МГУ

отделением

Секретарь

В январе 1934 года в СССР был запущен стратостат «Осоавиахим I» с экипажем в составе П. Ф. Федосенко, А. Б. Васенко, И. Д. Усыскина; стратостат достиг рекордной для того времени высоты в 22 километра. Вся страна, прильнув к тарелкам репродукторов, слушала голос Москвы, рассказывающий о мужестве и мастерстве экипажа стратонавтов. Огромный интерес вызвал полет в научно-исследовательских институтах, в ЦАГИ, сотрудники которого были заинтересованы результатах беспрецедентного эксперимента. Но произошла трагедия: 26 января 1934 года в 14 часов 30 минут стратостат разбился, все члены экипажа погибли.

31 января 1934 года на Красной площади собрались делегации от трудовых коллективов заводов, фабрик, институтов, вузов, подмосковных колхозов, представители различных городов, делегаты XVII съезда ВКП(б). В делегации от ЦАГИ был и отец. Они стояли вдоль кремлевской стены, по краю дорожки, по которой шли руководители партии и правительства, держа в руках урны с прахом стратонавтов. Они проходили так близко от отца, отделенные только воинским конвоем, что достаточно было протянуть руку, чтобы дотронуться до одежды тех небожителей, чьи портреты украшали праздничные колонны демонстрантов и фасады государственных учреждений. Первым шел И. В. Сталин, он держал перед собой урну с прахом одного из стратонавтов. За ним — М. И. Калинин, С. М. Киров, Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышев, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, Н. И. Бухарин, Г. Э. Ягода, К. Е. Ворошилов, М. Н. Тухачевский.

Сталин шел медленно; его меховая шапка с опущенными ушами, усы, густые брови заиндевели. Он смотрел прямо перед собой на дорожку, будто боясь оступиться, запутавшись в длинных фалдах командирской шинели, так что посмотреть ему в глаза не представлялось возможным. Сталин был рядом; запомнился резкий запах дорогого табака, неожиданный в чистом морозном воздухе. Отец, как замороженный, всматривался в профиль вождя и по мере того, как тот удалялся, поворачивал голову все сильнее и сильнее, пока не почувствовал, что еще немного и он свернет себе шею, и резко остановился, боясь показаться смешным. Но никто не обратил на него никакого внима-

ния. Более того, он видел, как все без исключения, мимо кого проходил Сталин, поворачивают головы за ним вслед.

Отец возвращался домой потрясенный. Он никогда не видел Ленина, так как приехал в Москву, когда больной вождь находился в Горках, но неоднократно присутствовал на выступлениях Л. Троцкого, А. Луначарского, Н. Бухарина, Л. Каменева и других блестящих ораторов первых лет революции. И. Сталина он видел первый раз в жизни. Впечатление оказалось сильнее, чем он предполагал. Отец не мог понять, что в облике вождя было такое, что завораживало, приковывало внимание, оставляло впечатление чего-то значительного, хотя ничего во внешнем облике, одежде и его поведении необыкновенного не было.

Впоследствии он много раз видел И. В. Сталина на совещаниях, торжественных заседаниях, трибуне Мавзолея. Но так близко, как в тот день, видеть Сталина ему больше не довелось. С годами его отношение к вождю заметно изменилось. Некогда доброжелательное, это отношение впоследствии стало достаточно взвешенным. Но впечатление от встречи осталось на всю жизнь. Казалось, что он тогда ощутил на себе действие особой гипнотической силы, которой якобы обладал отец народов.

В 1939 году ЦАГИ из Москвы перевели в Кратово¹. От ЦАГИ отделился экспериментальный институт, в котором планировалось испытывать новые самолеты, получивший название ЛИИ (Летно-исследовательский институт), где отец стал работать. За годы работы в ЦАГИ отец подготовил кандидатскую диссертацию [6; 7]. Однако защиту из-за начавшейся 22 июня 1941 года Великой Отечественной войны пришлось задержать на несколько лет. ЦАГИ и ЛИИ осенью 1941 года были эвакуированы в Новосибирск.

Тревога о судьбе жены и сына, оставшихся в холодной, голодной, осажденной Москве, ни на минуту не оставляла его, но и не мешала работать на авиационном заводе по 16 часов в сутки. Деятельность научных институтов была организована четко и продуктивно. Работали лаборатории, опытные производства, испытывали образцы новейшей авиационной

¹ Сегодня это г. Жуковский. — *Примеч. авт.*

техники. Виднейшие представители отечественной науки в области механики работали бок о бок с молодыми исследователями. Отец часто встречал академика С. А. Чаплыгина. Его крупная фигура, голова, увенчанная львиной гривой рыже-седых волос, иногда маячила в коридорах института. Академик подходил к отцу и с надеждой в голосе спрашивал: «Молодой человек, у Вас не найдется закурить?» Врачи и родственники категорически запрещали С. А. Чаплыгину курить из-за состояния здоровья. Отец не курил и ничем не мог помочь маститому ученому.

Как только немцы были отброшены от ближних подступов к Москве, возникла необходимость в возобновлении работы ЛИИ для ускорения испытания военных самолетов. В первую очередь вернулись из эвакуации специалисты, чьи семьи оставались в Москве. Среди них был и отец.

Началась тяжелая, кропотливая, но так необходимая для фронта работа по испытанию новых боевых машин. Днем шли непрерывные испытания на земле и в воздухе, в аэродинамических трубах и на стендах. Прославленные летчики Громов, Шумейко, Галлай, Юмашев, Алёхин днем участвовали в испытаниях новых самолетов, а ночью летали бомбить немцев сначала под Нарой и Истрой, а потом дальше на запад, под Ржевом и Калугой.

В 1943 году вышло постановление правительства, устанавливающее специальные льготы для кандидатов и докторов наук. Отец решил наконец оформить диссертацию, которую он начал писать еще в далеком 1936 году. В течение нескольких месяцев он работал ночами.

В день защиты, 21 февраля 1944 года, отец очень нервничал, и его нервозность передалась маме. До его возвращения поздно вечером она не находила себе места, хотя в душе была уверена в успехе, так как никогда не сомневалась в его способностях. Приготовила торжественный ужин: сварила картофель с американской свиной тушенкой, селедку, сделала винегрет, испекла пирожки с капустой, поставила бутылку водки; зажгла верхний свет. Вот стукнула парадная дверь.

— Все отлично. Любаша, твой муж — кандидат технических наук.

Отец подробно рассказал о перипетиях, сопровождающих защиту. В те годы в ЛИИ не было своего Ученого совета, защиты диссертаций происходили в ЦАГИ. Присутствовал весь цвет аэродинамической науки СССР. Вел заседание председатель Ученого совета ЦАГИ профессор С. Н. Шишкин. Присутствовали: академик Б. Н. Юрьев, профессора В. В. Голубев, И. В. Остославский, В. С. Ведров, К. А. Ушаков, начальник ЦИАМ В. И. Поликовский, начальник ЛИИ А. В. Чесалов, Е. П. Гроссман и другие. После доклада соискателя выступили официальные оппоненты и научный руководитель профессор К. А. Ушаков. Затем последовало вялотекущее обсуждение работы, прерываемое типичными в таких случаях паузами. В одной из таких пауз возникло оживление, не имевшее никакого отношения к теме диссертации.

Внимание всех присутствующих привлек опоздавший к началу заседания Совета М. В. Келдыш. Он был молод, красив, находился в самом начале своей «космической» карьеры.

Его несколько месяцев назад избрали членом-корреспондентом АН СССР. Мгновенно оценив настроение аудитории, Мстислав Всеволодович попросил слово:

— Я думал, Марьямов защищает докторскую диссертацию. А он, оказывается, даже не кандидат. Его работы по охлаждению авиационных двигателей 1935–1940 годов давно стали классическими. Мне кажется, что мы просто теряем время, обсуждая результаты апробированных исследований. Соискатель, бесспорно, заслуживает искомой степени.

Перешли к голосованию, которое оказалось единогласным.

Последние месяцы войны и годы послевоенного восстановления совпали с бурным развитием в СССР военной реактивной авиации. На базе отечественных разработок и трофейных материалов создавались и интенсивно испытывались все новые образцы реактивных самолетов. В этой работе головным предприятием был ЛИИ. Перед отцом открылся новый фронт научно-исследовательской деятельности, в которую он погрузился с головой. Отцу не повезло: с целью «укрепления» оборонной промышленности его уволили из авиации в конце 1952 года, когда до смены политических и идеологических ориентиров оставалось меньше

полугода. Отец перешел на работу во ВНИИжелезобетон. Здесь вновь проявился талант отца как экспериментатора. Руководимая им теплотехническая лаборатория создала методику промышленного производства железобетонных панелей, из которых построено подавляющее большинство московских пятиэтажек, о которых много сказано, но с их появлением связано начало решения «жилищного вопроса» в Москве, который, по словам М. Булгакова, «испортил москвичей». В начале 1960-х годов я спросил папу:

— Сколько лет простоят твои панельные дома?

— До начала нового века, — последовал мгновенный ответ.

Как в воду смотрел! [8]

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ

С поступлением в аспирантуру появляется мотивированный интерес к подготовке диссертации и процессу ее защиты. Защита кандидатской диссертации — важное событие для аспиранта, но весьма малозаметное для факультета. Другое дело — докторская диссертация. Здесь совсем иные критерии. Защита докторской диссертации на мехмате вызывает повышенный интерес, потому что это, как правило, не только яркое научное явление, но и событие, повышающее социальный статус соискателя. Докторская диссертация открывает двери элитарного клуба университетской профессуры, а там и до члена-корреспондента РАН рукой подать.

Требования к докторским диссертациям на мехмате очень высокие. Результаты диссертации должны быть получены с той степенью строгости, которая принята в работах университетского уровня по механике сплошной среды и должны удовлетворять всем условиям, сформулированным в постановке задачи. Все искомые и заданные функции должны допускать применение данного математического метода [3].

На семинаре у А. А. Ильюшина защищал докторскую диссертацию очень способный и перспективный молодой ученый. Научным руководителем у него был член-корреспон-

дент АН СССР. Единственным недостатком диссертанта было то, что он не окончил мехмат. Работа получила множество положительных отзывов, не хватало только положительного решения кафедры упругости. После выступления и прений взял слово А. А. Ильюшин и сказал, что работа хорошая, но только как диссертация на соискание ученой степени доктора технических наук. На степень доктора физико-математических наук работа не тянет. Руководитель диссертанта от полемики отказался, забрал соискателя вместе с диссертацией, переслал работу в Киев. Там диссертант получил искомое.

Защита докторских диссертаций происходила в аудитории 14-08 на объединенном Ученом совете математиков и механиков. Существовало неписаное правило: математики доверяли мнению механиков и наоборот. Кризис наступал, если не было единства внутри отделения, представлявшего диссертанта

В 1961 году В. С. Ленский защищал докторскую диссертацию по результатам экспериментов на сложное нагружение. Идейным руководителем и научным консультантом у В. С. Ленского был А. А. Ильюшин, что не могло не отразиться на атмосфере защиты. Скрытое противостояние между школой Седова и школой Ильюшина, как клочкотание вулканической лавы внутри кратера, не проявлялось на поверхности, но в критических ситуациях извержение могло начаться в любой момент. Надо отдать должное В. С. Ленскому, который во время многочасовой защиты вел себя необычайно профессионально, темпераментно, аргументированно отражал все критические замечания оппонентов. Произошло почти невероятное: один из официальных оппонентов, академик А. Ю. Ишлинский, давший первоначально официальный отрицательный отзыв, изменил свое мнение в процессе дискуссии и поздравил диссертанта с блестящей работой. Присутствующие члены Ученого совета — математики, включая ректора МГУ, академика И. Г. Петровского — отнеслись к этому параду механических амбиций со сдержанной иронией и не вмешивались, пока сами механики не пришли к консенсусу. Защита закончилась полным триумфом В. С. Ленского.

Аналогичный случай, но с другим исходом произошел год спустя на защите докторской диссертации Г. А. Тирским. Г. А. Тирский был одним из первых учеников Л. И. Седова, из поколения, родившегося на рубеже 1920–1930-х годов прошлого века, отважившимся защищать докторскую диссертацию.

Тема диссертации была достаточно актуальной и посвящена распределению температуры на поверхности твердого тела, входящего с космической скоростью в плотные слои атмосферы. Работа была выполнена с академической добросовестностью и получила положительную оценку оппонентов. Диссертант доложил результаты своих исследований, убедительно ответил на ряд критических замечаний, и по тому, как победоносно поблескивали очки академика Л. И. Седова, казалось, дело шло к успешной развязке. Но здесь случилось непредвиденное: выступил академик Г. И. Петров с критикой диссертации. Смысл его выступления сводился к тому, что в «почтовых ящиках» эти задачи давно решаются в более точной постановке с применением ЭВМ. Работа, быть может, имеет некоторый научный интерес, но с точки зрения практики не выдерживает критики. Слабые попытки исправить ситуацию ни к чему не привели. Особенно неудачно защищал диссертанта С. С. Григорян, пытавшийся объяснить Г. И. Петрову, какую сложную задачу решил диссертант, рассчитав тепловые потоки за отошедшей ударной волной. Объяснять это академику Г. И. Петрову, под руководством которого целые коллективы научных работников проводили гораздо более сложные расчеты, было по меньшей мере наивно. Петров только саркастически улыбался. Поняв, что у механиков консенсуса нет, математики набросали черных шаров — диссертация провалилась. Только через два года исправленный и одобренный Г. И. Петровым вариант диссертации был успешно защищен Г. А. Тирским. Справедливости ради следует отметить, что руководимая профессором Г. А. Тирским группа молодых ученых добилась впоследствии блестящих результатов.

В 1965 году подошла очередь защищать докторскую диссертацию С. С. Григоряну. Тема его диссертации «Механика грунтов» была ближе по духу кафедре волновой динамики,

нежели кафедре гидродинамики, которая его представляла. Тема диссертации не затрагивала непосредственно космическую тематику, поэтому «тяжеловесы» вроде академика Г. И. Петрова сохраняли нейтралитет. С. С. Григорян, предчувствуя борьбу, которая развернется на защите, взял эпиграфом к диссертации, что само по себе для точных наук уже нестандартно, строчки П. Когана: «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал». Защита продолжалась несколько часов. Верный своей линии дипломата, Х. А. Рахматулин сохранял нейтралитет. В «бой» против Григоряна вступил А. Я. Сагомоян («Есть упоение в бою» — А. Пушкин «Пир во время чумы») и проиграл. С. С. Григорян защищался блестяще, да и работа была титаническая. Партия Л. И. Седова одержала очередную заслуженную победу.

На решение Ученого совета часто влияла личность руководителя соискателя. Помню, как проходила защита диссертации, написанной под руководством академика А. Н. Фрумкина. Диссертант доложил основные результаты своей работы, ответил на вопросы, а когда началось обсуждение, в аудиторию вошел сам А. Н. Фрумкин. Все присутствующие, включая членов Ученого совета, встали, выразив уважение всемирно известному ученому. Результат голосования был единогласным.

МОИ ДРУЗЬЯ

*Уходят, уходят, уходят друзья,
Уходят известно куда — в никуда...
В осенние дни и весенние дни,
Как будто в году воскресенья одни.
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья...*

Александр Галич

В. А. МЕДВЕДЕВ

Осенью 1963 года мы окончили аспирантуру; Ю. Баш, В. Медведев, В. Поручиков и я распределились в Институт механики МГУ. Первым из нас защитился В. Медведев. С мо-

мента поступления Виктора на кафедру аэродинамики у него сложились весьма плодотворные взаимоотношения с Г. И. Петровым. Академик сразу оценил незаурядные способности Виктора.

Как всякий элитный мехматовец, В. Медведев со временем перестал ходить на лекции и семинары, а если посещал, то в основном читал беллетристику. Это не мешало ему сдавать сессии на «отлично», у него вообще не было ни одной четверки. Г. И. Петров заинтересовал Медведева темой гидродинамической устойчивости. В периодической печати время от времени появлялись публикации, в которых обсуждались результаты, полученные Петровым в кандидатской диссертации 1942 года. Петров предложил дать строгое доказательство сходимости использованного им метода расчета гидродинамической устойчивости. В. Медведев справился с поставленной задачей блестяще и, впоследствии развив идеи Г. И. Петрова, защитил кандидатскую диссертацию [9].

Аналитические исследования увлекли Виктора, он серьезно занялся проблемой гидродинамической устойчивости. Оказалось, что образования, которое получают механики, недостаточно для строгого доказательства сходимости приближенных методов интегрирования дифференциальных уравнений. Необходимы знания по топологии, теории функций действительного переменного, функциональному анализу. К проблеме повышения уровня математических знаний Медведев подошел основательно: он организовал студенческий семинар в Институте механики МГУ по функциональному анализу, к участию в котором привлек как аспирантов Г. И. Петрова, так и студентов старших курсов. Руководил семинаром и делал основные сообщения Медведев. Результаты оказались впечатляющие: все участники семинара успешно защитили дипломы и диссертации. Защитили диссертации даже те, кто окончил аспирантуру намного раньше, но завершить работу вовремя не смог. Защитился и Медведев. Сама защита не вызвала того восторга, которым сопровождалась защиты В. П. Мясникова или Г. П. Черепанова, когда на Ученом совете звучали предложения о присуждении сразу степени доктора физико-математических наук. Голосование у Медведева было единогласным, и он был вполне удовлетворен.

Семейные обстоятельства вынудили Виктор уехать на три года на преподавательскую работу в Африку. Что произошло между Г. И. Петровым и Медведевым после возвращения последнего, не знаю, но он ушел из института на преподавательскую работу. Точка зрения академика на стремление заработать помимо занятий наукой была известна. Петров был против отъезда Медведева за границу.

Мои встречи с Виктором становились все реже и реже, а потом и вовсе прекратились. Как-то, случайно встретившись на улице, мы зашли в кафе. Виктор рассказал, что уже дважды менял место работы и теперь преподает в МВТУ им. Баумана. Причины перехода он объяснил разногласиями с заведующими кафедрами по поводу преподавания математики. С точки зрения Медведева профессор, читая лекции, допускал неточности, иногда приводя просто неверные доказательства. Все попытки Виктора поднять уровень преподавания пресекались на корню. Слушая Медведева, я видел его студентом 2-го курса, в очередной раз восхитившим Р. Л. Добрушина: «Что вы, Медведев, делаете на механике? Вы прирожденный математик». Этот абсолютный «математический слух»¹, которым обладал Медведев, делит всех студентов мехмата на две части: элиту и всех остальных. Сын работницы и участкового милиционера, В. Медведев, бесспорно, самородок, но характер и необеспеченность тылов не позволили ему достичь положения, соответствующего его дарованию.

В. Б. Поручиков

Я познакомился с Владимиром Поручиковым летом 1955 года. Выяснилось, что мы почти соседи: он жил в Комсомольском переулке у метро «Площадь Дзержинского» (теперь это станция «Лубянка»), а я в Кировском проезде, у мет-

¹ Конечно, термин «математический слух» нуждается в комментарии. Абсолютный музыкальный слух необходим настройщику и исполнителю. Некоторые композиторы, даже прославленные, не обладали абсолютным слухом. Но профессор математики в вузе скорее настройщик, чем композитор. — *Примеч. авт.*

ро «Лермонтовская» (теперь станция «Красные ворота»). Мы быстро подружились, скажу даже больше: лучшего и более близкого друга, чем Володя, у меня в жизни не было.

Наши отношения не представляют никакого интереса, но я попытаюсь показать, как студент, с которым я был неразрывно связан в течение 20 лет (университет + аспирантура + Институт механики), стал крупным ученым, хотя первоначально это было трудно предположить. На первых курсах Володя ничем не выделялся; он успешно сдавал сессии, писал курсовые, но на лавры Медведева никогда не претендовал. Правда, моего восторга по поводу способностей Виктора разделял далеко не всегда. Все началось с 3-го курса, когда Володя увлекся интегральными преобразованиями, методом перевала и методом Винера — Хопфа. Сначала все вопросы решались на семинарах, но по мере углубления в теорию он стал обращаться к профессиональным математикам: А. И. Маркушевичу, М. А. Евграфову, А. Ф. Филиппову. На 4-м курсе Володя публикует свою первую научную работу в «Вестнике МГУ». Формирование научных интересов Поручикова как механика происходило под влиянием его научного руководителя, профессора А. Я. Сагомоняна. В профессиональном отношении на Володю оказали большое влияние Л. М. Флитман и особенно Б. В. Костров.

С 5-го курса увлечение наукой приобретает у Поручикова маниакальные формы, он начинает жить как бы двойной жизнью. С одной стороны учеба, девушки, друзья, занятия спортом, с другой — многочасовое сидение за письменным столом, горы бумаги, исписанные бесконечными формулами, бессонные ночи.

Я регулярно бывал у Володи дома в Комсомольском переулке. Встречал он меня усталым взглядом сквозь очки. Мы садились на диван, Володя включал радиолу «Фестиваль» — самую крутую советскую радиолу того времени, с дистанционным управлением и коротковолновым диапазоном. Слушали музыку, пили вино «Киндзмараули». Володя рассеянно слушал меня, постоянно поглядывая на письменный стол, где лежала кипа исписанной бумаги с бесконечными рядами, вычетами, криволинейными интегралами и асимптотическими разложениями. Чувствовалось, что его мысли

далеки от моих рассказов и поглощены решением очередной задачи.

Он приходил на работу в Институт механики либо за зарплатой, либо чтобы оформить очередную статью. Он, как правило, в то время писал без соавторов и все оформлял самостоятельно. Все остальное время он проводил дома за письменным столом. Когда руководитель лаборатории, профессор, доктор наук, ссылаясь на очередной приказ дирекции института об укреплении трудовой дисциплины, попытался заставить Поручикова регулярно ходить на работу, Володя добился переизбрания заведующего. Новый руководитель лаборатории никогда не поднимал вопрос о присутствии В. Б. Поручикова на рабочем месте.

— Что мне здесь делать? Вы приходите играть в шахматы, трепаться, а мне надо работать. Я не считаю на ЭВМ, не ставлю экспериментов. Мне нужны стол, бумага, чтобы меня не отвлекали.

В. Б. Поручиков получил несколько классических результатов в гидродинамике и динамической теории упругости, нашел точные решения задач, которые до него решались только приближенно. Опубликовал множество статей в академических журналах и трудах НИИ механики МГУ, написал несколько монографий, изданных как в России, так и за рубежом. Он стал наиболее авторитетным специалистом в области применения интегральных преобразований при решении задач гидродинамики и теории упругости в НИИ механики МГУ.

Феномен В. Поручикова достоин специального рассмотрения. У него не было никаких административных ресурсов, да и он, в отличие от большинства, к этим ресурсам никогда не стремился. Он был воспитанником той кафедры и учеником того ученого, которых не сильно жаловала администрация института; у него не было академических званий и длинной «скамейки» с учениками, хотя те, с кем он непосредственно работал: Ю. А. Созоненко, А. В. Степанов, Л. Е. Пекуровский, — представляли достаточно успешный научный коллектив. На кафедре волновой и газовой динамики его не привлекали к чтению спецкурсов и не предлагали должность профессора. Но не было проблем, связан-

ных с преобразованиями Лапласа или Фурье, которые не получали решения, если с ними обращались к Володе. Все, кто стремился получить точные решения задач механики сплошной среды, знали, что все сомнения или сложности будут преодолены, если проконсультироваться у Поручикова.

Я хотел бы подчеркнуть, что все, что делал Володя, он делал исключительно хорошо. Его способность к самообразованию поистине уникальна. Когда мы познакомились, он не знал английского языка. Впоследствии он изучил язык блестяще: мог говорить, писать, оформлять официальные бумаги для заграничных издательств и посольств. На 1-м курсе он плохо плавал, плохо бегал на коньках. К концу обучения он принимал участие в факультетских соревнованиях по этим видам спорта с хорошими результатами. Он был абсолютно грамотен и всегда выигрывал шуточные диктанты, которые предлагали для проверки грамотности. Все эти «коллежские ассесоры», «потчевания» и «почивания» он писал безошибочно.

Конечно, Поручиков порой выставлял напоказ свое мастерство владения математическим аппаратом. Вот пример: «Это легко получить, если применить обратное преобразование Лапласа к формуле Сонина и выразить многочлены Гегенбауэра через присоединенные функции Лежандра первого рода по формулам п. 315, п. 710 (H Bateman, A Erdelyi, 1953 a, b)» [10, с. 168].

В механике существуют два основных способа получения научного результата. Одни создают модели, пользуясь которыми получают результаты. Это наиболее успешный путь, которым следовали Л. И. Седов, Х. А. Рахматулин, А. А. Ильюшин, В. П. Мясников, А. Я. Сагомоян, Р. И. Нигматулин и другие.

Второй путь состоит в решении задач механики сплошных сред в рамках общих уравнений в точной постановке, в стремлении получить точное аналитическое решение. Здесь ученого-механика поджидают две опасности: с точки зрения чистого математика эти решения не очень интересны, так как, как правило, предполагают наличие симметрии и, следовательно, теоретическое существование точного ана-

литического решения. С точки зрения механика-практика эти решения малоэффективны, так как всегда есть возможность получить решение на компьютере с удовлетворительной для практики точностью.

Все сказанное не умаляет как научную, так и эстетическую ценность точных аналитических решений. Простота и изящество аналитического решения, его эталонный характер окупают нетривиальные умственные усилия для его получения. На этом пути В. Б. Поручиков достиг впечатляющих результатов.

В последние годы, в эпоху перемен, В. Б. Поручиков несколько охладел к контурным интегралам. Он стал увлекаться акциями, ценными бумагами, ваучерами и другими финансовыми инструментами. Как и следовало ожидать, он быстро достиг высокого профессионального уровня в этих областях. Начнись перестройка лет на 20 раньше, возможно, мы увидели бы фамилию В. Б. Поручикова в числе функционеров банковского истеблишмента.

М. М. Гишинский

Михаил (Самуил) Маркович Гишинский — худой, жилистый шатен с копной слегка вьющихся волос, с тонкими чертами лица и яркими карими глазами. Чтобы получить ясное представление о том, каким он был в то время, достаточно вспомнить молодого Лапшу из великолепного фильма Сержа Леоне «Однажды в Америке».

Ему не нравилось имя Самуил, и он поменял его в конце 1960-х годов на имя Михаил, что оказалось для него бесполезным. Происхождение своего имени Миша объяснял следующим образом. У родителей была договоренность: если первый ребенок будет девочка, ее назовет отец, если мальчик — мать. Первой родилась дочь, и пока мать была в роддоме, отец, согласно уговору, назвал девочку, как ему нравилось, — Инна. Вторым ребенком оказался мальчик, мать из роддома прислала записку с просьбой назвать сына Володей. Отец пошел в ЗАГС и назвал сына Самуилом. Уговор дороже денег!

На нашем курсе М. Гишинский был, вероятно, самой яркой личностью. У него была масса достоинств, каждое из которых, быть может, не было доведено до совершенства, но в совокупности они составляли личность неординарную, способную воодушевить любую компанию.

В жизни он был многоборец. Необыкновенно способный и работоспособный, обладающий очень сильной волей, он, классный шахматист, играл в пинг-понг, футбол, волейбол, хоккей, баскетбол, занимался бегом, спортивной ходьбой, сочинял стихи и песни и пользовался неизменным успехом у женщин. Его выносливость не имела предела: когда после игры в футбол все валились с ног от усталости, Гишинский призывал идти играть в баскетбол. Он мог работать долго, не зная усталости.

С первых дней он сдружился с Медведевым. Они не расставались все годы учебы, вместе отдыхали, работали на целине в Казахстане, на уборке винограда в Анапе. М. Гишинский во всех отношениях был лидером в этом дуэте, кроме, конечно, математики, в которой Медведеву не было равных в нашей группе, а возможно, на потоке, о чем я уже неоднократно упоминал. Во всем остальном Медведев, как нитка за иголкой, следовал всюду за Гишинским. Они вместе готовились к занятиям, к экзаменационной сессии, проводили время в общезитии, ухаживали за девушками, живущими в соседних блоках. У Гишинского все получалось лучше. Он был музыкален, прекрасно танцевал, пел русские народные и эстрадные песни, был центром любой компании за столом или на танцплощадке. Музыкальные снобы утверждали, что у Миши не было музыкального слуха, но это не мешало ему солировать, исполняя собственные или эстрадные песни, а людям с идеальным слухом оставалось только подпевать.

Новой гранью проявились способности Гишинского при руководстве нашей курсовой самодеятельностью. Он был автором четырех спектаклей или, как теперь называют, мюзиклов: «Целина», «Москва — Ленинград», «Солдаты», «Молодой специалист». Я всегда с восхищением вспоминаю эти спектакли, неизменно побеждавшие на всех конкурсах художественной самодеятельности. Особо надо отметить самобытный феноменальный талант Гишинского. Не имея театраль-

ного образования, с далеко не безупречным музыкальным слухом, не играя ни на одном музыкальном инструменте, Гилинский писал стихи и песни на мотивы модных в то время шлягеров, которые были у всех на слуху. При этом он вкладывал в содержание песен столько чувств, примет времени, что всплывают детали, о которых не знают наши дети и внуки, а современники в большинстве своем уже не помнят.

Первый спектакль появился после возвращения курса с целинных земель Казахстана в начале 1958 года и назывался «Целина». Участвовали наши однокурсники, но только механики. Содержание спектакля достаточно примитивно: приехали в чистое поле, построили коровник, убрали хлеб и уехали. Начиналось со сцены, в которой изнывающий от безделья и скуки студент мехмата (В. Борозов) поет что-то о своем ветхом жилище у Ваганькова кладбища в Москве. Здесь появляются его однокурсники и сообщают радостную новость: курс едет на целину.

Жизнь на целине оказалась не сахар. На мелодию модной в то время песни Лолиты Торрес из кинофильма «Возраст любви» хор исполняет:

Жаркому лету пришла на смену холодная осень.

Знаю я цену батону — рубль тридцать восемь.

Кто сейчас помнит, что до денежной реформы 1961 года нарезной батон стоил один рубль тридцать восемь копеек? Это потом, с 1961 по 1992 год, он стоил 13 копеек, а сейчас не меньше 25 рублей. Затем хор мальчиков на мотив «Мы идем по Уругваю» заканчивал на бравурной ноте:

Мы работаем, как негры,

От зари и до зари.

Мы Америку догоним,

*А, быть может, перегоним
за два года или три.*

Лозунг догнать и перегнать Америку по объему ВВП на душу населения был основным в те годы. Естественно, по сюжету на фоне трудового подъема, охватившего наших героев, зарождается настоящее чувство между двумя юными студентами, которые за два года на мехмате не разглядели друг друга, а здесь, на бескрайних казахских просторах, нащупывают свое счастье:

*Средь шумного тока случайно
На куче сухого зерна
Тебя я увидел, и тайно
Мне сердце сказало — она...*

Чтобы лучше раскрыть эту сердечную тайну, Гишинский переходит на «Сильву» Кальмана:

*Помнишь ли ты, как мы хлеб на целине убирали,
Как нас ругал бригадир, как нам обещали медали
И, конечно, не дали.*

И, подхватив свою возлюбленную А. Сидорову в танце, Гишинский продолжает:

*Но на будущий год мы вторично
Поработаем с тобой на «отлично».
И поверь мне, друг мой, Тоня,
Мы Америку догоним!*

Через год после тяжелой зимней сессии группа моих однокурсников поехала на экскурсию в Ленинград, что послужило основой для второго спектакля — оперетты «Москва — Ленинград». По сюжету студент, совершенно опустошенный экзаменационной сессией, выражает свои эмоции в «Каролине» — шедевре творчества М. Гишинского.

*Кто же, скажите, сможет учиться 15 долгих лет?
Я вам отвечу: таков несчастный каждый наш студент.
Годы молодые бестолково так летят,
За учебкой иногда забываешь,
Что за чем и что куда.
Сил последних не жалея,
Я сдал зачет успешно годовой,
Но тут, схватив за шею,
Встает вопрос, вопрос о курсовой.
И, как Каролина, мчусь во весь опор,
Снова практикум, зачет, вновь экзамен,
Ну и вот я от этих урматфиз
Становлюсь немного лыс.
Я экзамен урматфиз
Десять раз сдавал на бис,
И теперь вот мой девиз:
Лучше вниз, чем урматфиз.
Лучше вниз, чем урматфиз,
Лучше вниз.*

После лагерных сборов в Гороховецких военных лагерях под Владимиром появляется мюзикл «Солдаты»:

*В солдатской жизни мы все салаги,
Всего на месяц прибыли в лагерь.
Носки сменили мы на портянки,
Профессоров нам заменил сержант.
Солдат, держись в строю ровнее.
Солдат, подтягивай дружнее.
Солдат, гляди вперед смелее —
И вот ты уже бравый лейтенант.*

Поступление на работу было отмечено новым подъемом творчества Гилинского. Он создает спектакль, посвященный началу самостоятельной трудовой деятельности выпускника мехмата. На мелодию песни «В жизни раз бывает 18 лет» Гилинский исполняет арию молодого м. н. с. (младшего научного сотрудника):

*Привыкать к работе нас начальство просит,
Мы ж живем в заботе — номер перебросить.
Сладкая истома — встаешь чуть рассвет.
Ой, как спится дома в двадцать с лишним лет!*

Вот еще одна примета того времени — табельные доски, учета прихода и ухода с работы, исчезнувшие в начале 60-х годов XX века.

Интерес М. Гилинского к самодеятельности носил ярко выраженный избирательный характер. Так всеобщее увлечение КВН начала 60-х годов прошло мимо Миши.

Институт механики болел КВН несколько лет. В подготовке к конкурсам участвовал весь коллектив института, включая начальство. Активно поддерживали выступление своих сотрудников заведующие отделами аэромеханики (С. М. Горлин), гидродинамики (В. Ф. Шушпанов), волновой динамики (Н. А. Алексеев).

В финале встретились гидродинамики и волновики. Борьба шла с переменным успехом. Особенно впечатляющей была победа Б. Куксенко в математическом конкурсе. Скорость, с которой он переводил числа из двоичной системы в восьмеричную, значительно превосходила скорости соперников и была на грани человеческих возможностей.

Окончательный результат сейчас не имеет значения, но можно сказать с уверенностью, что «победила дружба». Коллективы КВН обоих отделов были премированы поездкой в только что открывшийся пансионат «Клязьма». Возвращались мы на автобусе отдохнувшие, весело распевая: «В ближайшую пятницу, как солнце закатится, Самвела съедят на Ученом совете».

Действительно, на этой же неделе состоялась защита диссертации С. С. Григоряном, о которой я уже писал выше. (Я сделал это отступление умышленно, чтобы дать возможность моим любезным читателям лишний раз обвинить меня в том, что я путаю даты и вообще ничего не помню.)

Последнее выступление коллектива, руководимого М. Ги-линским, состоялось в дни празднования 50-летия мехмата в 1982 году. В клубной части МГУ собралась масса народа. Пришли все мы с супругами и детьми. Показали лучшие сцены из всех прошедших спектаклей.

*Не кочегары мы, не плотники,
Но сожалений горьких нет.
А мы научные работники,
И дом наш — Университет!*

Специально по этому случаю был написан на мелодию Р. Паулса «Миллион алых роз» гимн мехмату, с блеском исполненный Мишей в сопровождении хора, заканчивающийся словами, произносимыми все тише и тише: «Наш мехмат, наш мехмат, наш мехмат».

Основной сферой деятельности М. М. Гилинского всегда оставалась наука, в которой он достиг выдающихся результатов. Ученик профессоров Г. Ф. Теленина и Г. Г. Черного, Миша занимался актуальными вопросами современной газовой динамики. Обладая хорошими способностями, неиссякаемой энергией и заметными амбициями, он в течение многих лет оставался на уровне самых талантливых ученых, многие из которых от природы были более даровитыми. Каких титанических усилий ему это стоило, одному богу известно. Будучи в молодые годы абсолютно здоровым, он нещадно эксплуатировал свои интеллектуальные и физические возможности, что и привело к преждевременной «развязке».

1 ноября 1987 года, в день 50-летия М. Гишинского, я сравнил его с Лениным конца 1916 года, когда тот еще не догадывался, что произойдет в ближайшее время в России и о февральской революции узнает из швейцарских газет.

«Тебя, Миша, ждут революционные перемены, о которых ты и не подозреваешь». Произошло все с точностью наоборот.

В 1991 году М. Гишинский уехал из революционной России в США. Его отъезд никак не повлиял на ход мировой истории, но судьба самого Миши круто изменилась. С его отъездом целый большой период моей жизни ушел в прошлое, период, где всегда присутствовал Гишинский — красивый, талантливый, всеобщий любимец, вечно ищущий и вечно молодой.

Из сказанного выше следует один предельно простой вывод: судьба человека зависит главным образом от его характера. Посеешь поступок — пожнешь привычку, посеешь привычку — пожнешь характер, посеешь характер — пожнешь судьбу.

Характер — это судьба!

В. И. МАРОН

С Веней я подружился с первых дней пребывания в МГУ. Сейчас невозможно вспомнить, что послужило основой нашей многолетней дружбы. Но уже на свой день рождения 16 декабря 1955 года он пригласил Поручикова и меня. Володя, как истинный сын чекиста, сказал мне: «Ты иди. Мне расскажешь. Тогда на будущий год пойдем вместе».

Веня жил в элитном доме, одиноко возвышающимся на пустыре возле будущего Новоарбатского моста. День рождения отмечали в узком кругу: родители, двухлетний брат Аркадий, школьный друг Вени Леня Слѣзкин, наш однокурсник и я. Душой компании был отец Вени И. А. Марон — профессор, замечательный педагог, автор многочисленных учебных пособий по высшей математике, которые и сейчас легко найти в книжных магазинах.

Было весело и шумно. Отец Вени предложил выпить водки. Все отказались, кроме меня. Я никогда не пил

водку. У нас после войны водку на стол не ставили, пили крепленые вина или шампанское. Я выпил три рюмки и отключился. На другой день в университете Слёзкин поучал меня: «Не можешь пить, не пей. Вообще гить следует только грузинские вина: „Тетра“, „Твиши“, „Киндзмарули“, „Хванчкара“». С тех пор стараюсь следовать совету Лени.

На первых курсах Веня ничем не выделялся. Правда, он был необыкновенно коммуникабельным. О всех неофициальных событиях, происходящих на курсе и факультете, я узнавал у Вени. Он пользовался большой популярностью на нашем потоке, особенно у прекрасной его половины. После второго курса Поручиков, Веня и я выбрали кафедру волновой и газовой динамики. Руководителем у Вени был Х. А. Рахматулин. После окончания мы трое были рекомендованы в очную аспирантуру.

Наряду с механикой Веня увлекался марксизмом-ленинизмом. В течение пяти лет пребывания на мехмате у нас было пять незрячих преподавателей: лекции по обыкновенным дифференциальным уравнениям, упражнения по аналитической геометрии, высшей алгебре, функциям комплексных переменных (ТФКП), диамат¹.

На экзамене по диамату Вене попал билет: Ф. Энгельс «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии». Марон был на хорошем счету у преподавателя. Он сел напротив преподавателя, достал брошюру с работой Ф. Энгельса и стал читать. Преподаватель одобрительно кивал. Мы замерли в ожидании финала этой сцены. Неожиданно открылась дверь, в аудиторию вошел заведующий кафедрой истмата² и диамата естественных факультетов МГУ профессор Х. М. Фаталиев. Возмущению профессора не было предела. Нам тоже досталось. Спокойствие сохранил только Веня.

— Я не пользовался брошюрой, — безапелляционно заявил он.

— Как не пользовались, когда вы просто ее читали вслух! — возмутился Х. М. Фаталиев.

¹ Диалектический материализм. — *Примеч. ред.*

² Исторического материализма. — *Примеч. ред.*

— Я не читал, я знаю работу наизусть.

Он передал книгу Фаталиеву и стал наизусть читать первую страницу. Когда он дочитал до середины второй страницы, не допустив ни единой ошибки, Халиль Магомедович развел руками и со словами «Продолжайте экзамен» покинул аудиторию. Веня же получил отметку «отлично».

В аспирантуре Веня никак не мог остановиться на теме диссертации. Тема, предложенная Х. А. Рахматулиным, не удовлетворяла Марона. Если бы академик уделял ему больше внимания, возможно проблема была бы решена. Но у Рахматулина было бесчисленное множество аспирантов, нуждающихся во внимании в значительно большей степени, чем Веня.

Летом на даче Веня оказался соседом друга его отца, профессора Московского института нефти и газа имени И. М. Губкина¹ И. А. Чарного. Чарный, крупнейший специалист в области нефтегазовой промышленности, предложил Вене тему диссертации. Зимой и летом Веня работал над диссертацией. Осенью он представил диссертацию на семинаре кафедры. Защита состоялась летом 1964 года. Но произошел скандал: против выступил профессор Г. И. Баренблат. Не вдаваясь в математические тонкости, скажу только одно: Баренблат был не прав. Но Веня растерялся, возражал неубедительно, и голосование совета было далеко не единогласным. Свою ошибку Баренблат понял уже на другой день; ведущие профессора мехмата Л. Тумаркин, Н. Слёзкин, Б. Левитан, Л. Люстерник, И. Чарный выразили ему свое недоумение. Спустя год Веня блестяще защитился. Когда же В. Марон подготовил докторскую диссертацию и Г. Баренблат предложил себя в качестве официального оппонента, Веня гордо отказался от его услуг.

Научная карьера В. И. Марона сложилась исключительно удачно. Он стал блестящим специалистом в области добычи и транспортировки нефти и газа. В той сфере науки и производства, которая оказалась наиболее востребованной в но-

¹ Сейчас — Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина. — *Примеч. ред.*

вой России. Ему принадлежит множество научных работ, монографий, изобретений [11; 12].

Веня с молодых лет увлекался живописью. Его картины выставлялись на различных выставках, он был членом Союза художников. Его учителем был художник О. Н. Целков, покинувший СССР в 1977 году и ставший одним из самых известных и востребованных на Западе художников страны развитого социализма.

Вениамин Исаакович Марон — кандидат физико-математических наук, доктор технических наук по механике жидкости, газа и плазмы, профессор Российского государственного университета нефти и газа имени И. М. Губкина. Специалист в области механики сплошных сред, трубопроводного транспорта углеводородов, теории фильтрации. Автор шести книг. В иностранной литературе его именем названо интегро-дифференциальное уравнение обобщающее уравнение продольной диффузии Дж. Тейлора.

В. И. Марон — член Московского общества испытателей природы, действительный член РАЕН, почетный работник высшего профессионального образования, Research Board of Advisors of the Am. Biograph institute (ABI), лауреат премии им. И. М. Губкина, награжден знаком РАЕН «За заслуги в развитии науки и экономики» и медалью Российского национального комитета по теоретической и прикладной механике, выпущенной к столетию со дня рождения его учителя Х. А. Рахматулина.

Ю. В. СУВОРОВА

Чтобы воссоздать облик Юли, передать словами ее очарование, царившую вокруг нее атмосферу, когда мужчины от 15 до 70 лет искали ее общества и летели словно мотыльки на свет, нужна сила пера У. Фолкнера или М. Пруста, Л. Толстого или И. Бунина. Я берусь за это, исходя из простых соображений: те, кто знал Юлю лично, не будут удовлетворены, кто бы ни писал; те, кто с ней не был знаком, вероятно, не будут читать.

Есть люди не родные, но близкие, которые так или иначе всегда присутствуют в вашей жизни с момента знакомства.

Для меня таким человеком была Юлия Васильевна Суворова.

В начале этой книги я писал, как я увидел Юлю в первый день пребывания в МГУ. Прошло с той поры более 60 лет, но все эти годы она оставалась для меня одной из прекраснейших женщин из тех, с кем мне доводилось общаться.

Конечно, всякое описание носит субъективный характер, если это не статистика или новости дня. В моем случае это особенно существенно, так как я не входил в ее ближний круг.

Юля была самой младшей в 12-й группе. В начале нашего знакомства — милый ребенок, чрезвычайно быстро взрослевший, и уже к третьему курсу сформировавшийся как яркая личность. Родители Юли — выходцы из одной деревни. Отец, Василий Васильевич Суворов, 18-летним пареньком попал в Красную армию рядовым, впоследствии сделал карьеру в морской авиации и перед Великой Отечественной войной дослужился до адмиральского чина. Юля рассказывала, что отец родился 29 февраля 1900 года, и священник, посмотрев в Святцы, объявил, что новорожденного следует назвать Касьяном. Родителям удалось убедить батюшку записать мальчика 1 марта и назвать Василием. Мне показалось, что в рассказе Юли что-то не стыкуется, ведь 1900 год не был високосным. Я вспомнил, что Россия жила тогда по юлианскому календарю, а по нему 1900 год был високосным.

От отца Юля унаследовала твердый целеустремленный характер, от мамы, Зои Васильевны, — душевную щедрость и оригинальную броскую внешность.

На первых двух курсах мы учились в одной группе и часто оказывались вместе. Утром я попытался сесть на тот троллейбус № 7, в котором она ехала в университет; от парапета



до ГЗ мы шли вдвоем. Чаще она встречалась утром со своей подругой Ирой Семеновой, и тогда я оставался, как теперь говорят, не у дел. После занятий я провожал Юлю до дома. Иногда в хорошую погоду она предлагала идти пешком. Мы шли от ГЗ по Воробьевскому шоссе до Калужской заставы (тогда Ленинского проспекта еще не было), потом по Большой Калужской до кинотеатра «Авангард», который располагался тогда в церкви напротив ее дома.

Если утром на остановке я ее не встречал, то тоскливое чувство не покидало меня всю дорогу. Но вот я в аудитории 16-10 и вижу ее на обычном месте, в середине пятого ряда, в неизменных вязаных кофтах различных цветов и белоснежных блузках, и мне становится легко и радостно.

Она была необычайно пунктуальна, всегда отличалась четкостью и логичностью своих суждений, завидной сообразительностью. Меня также поражала быстрота ее реакции. Как-то раз я сидел рядом с ней на лекции. Она внимательно слушала лектора; я, изнывая от скуки, взял лист бумаги и написал:

З С В
Ю

— Что это значит? — спросил я.

— Запад, север, восток, юг, — последовал ответ.

— Да нет. Юлия Васильевна Суворова. Вот не знаю, что делать с буквой «З».

Юля посмотрела на «З» и безапелляционно заявила:

— Юлия Васильевна Суворова — здесь!

Юля профессионально занималась спортом, особенно ей давалось плавание. «У Суворовой лучший наплыв на мехма-те», — слышал я неоднократно отзывы знатоков. Я не понимал, что это значит, но охотно ходил смотреть все соревнования по плаванию с ее участием.

Летом 1957 года наш курс уехал в Казахстан на целину. После возвращения мои однокурсники словно прозрели. У Юли появилось множество поклонников. Они не покидали ее нигде: ни на лекции, ни в библиотеке, ни в столовой, провожали ее до дома и встречали утром, вероятно, у подъезда.

Мне оставалось только наблюдать появление новых фаворитов и сочувствовать фаворитам, получившим отставку. Постепенно я потерял интерес к происходящему.

Однажды в январе 1960 года, уже на пятом курсе, я встретил подругу Юли в Клубной части МГУ. Она с загадочной улыбкой поинтересовалась:

— Догадайся, куда я сегодня приглашена?

Я с немым вопросом смотрю на нее.

— На свадьбу Суворовой, которая состоится у нее на квартире, а сейчас я еду в ЗАГС.

— Кто же избранник, если не секрет?

— Философ, преподаватель диамата в ее группе, Биккенин.

Мы окончили университет, Юля поступила работать в Институт механики МГУ. С замужеством все старые поклонники Юли, как по команде, куда-то исчезли. Я приходил в институт, ждал, когда Юля закончит работу, потом провожал ее, как в старые добрые времена, пешком до Октябрьской площади.

Руководителем у Юли был профессор П. М. Огibalов. Он сразу оценил незаурядные способности своей ученицы, ее целеустремленность, работоспособность, творческий потенциал. Однако задача, которую поставил перед ней профессор — написать книгу по композитным материалам, — была не творческой научной работой. Юля месяцами сидела в библиотеке, изучила бесконечную библиографию, и через три года напряженной работы появилась в Издательстве Московского университета книга П. М. Огibalова и Ю. В. Суворовой «Механика композитов» [13]. Удивительно то, что впоследствии, став крупным ученым, профессором и доктором наук, автором множества научных работ, научным руководителем аспирантов и докторантов, она больше монографий не писала.

Работая над книгой, она много времени проводила в Библиотеке им. Ленина. Я приходил в библиотеку, находил ее постоянно на одном и том же месте, в среднем зале на третьем этаже, и мы часами ходили по коридору. Иногда мне удавалось уговорить ее бросить «писанину», и мы шли через Каменный мост в кинотеатр «Ударник».

Наши разговоры носили односторонний характер: я либо что-то рассказывал, либо расспрашивал. Она вниматель-

но слушала и охотно отвечала на мои вопросы, но только на те, которые не затрагивали ее личную жизнь. До меня доходили лишь слухи о том, что ее взаимоотношения с мужем не сложились. Вскоре они разошлись. Но такие судьбоносные для нее вопросы мы не обсуждали. Поэтому для меня стало неожиданным ее решение уйти из Института механики и поступить в очную аспирантуру Института машиноведения имени А. А. Благонравова АН СССР. Столь же внезапным оказалось приглашение на ее новую свадьбу, которая состоялась в 1963 году.

В Юле удивительным образом сочетались женственность, обаяние, яркая красота с твердым, уравновешенным, доброжелательным, но совершенно не сентиментальным характером. Способности к логическому мышлению и творческий потенциал делали Юлю на мехмате человеком неслучайным. Как бы ни были опасны исторические параллели, но у Юлии Васильевны Суворовой общее с Софьей Васильевной Ковалевской не только отчество.

В аспирантуре у Юли складывалось не все гладко. Профессор, к которому она поступила, трагически погиб, и Юля вновь осталась без научного руководства. Тогда происходит событие, ставшее поворотным во всей ее дальнейшей судьбе. Лабораторию, в которой она стала работать, возглавил приехавший из Новосибирска академик Юрий Николаевич Работнов. Роль этого человека в судьбе Суворовой можно сравнить разве что с ролью К. Вейерштрасса в судьбе С. В. Ковалевской.

Сама Юля отзывалась о своем научном руководителе с несвойственной ей восторженностью. Она восхищалась эрудицией Юрия Николаевича, его многогранной образованностью, но больше всего она ценила в нем блестящую интуицию ученого-механика в сочетании с виртуозным владением математическим аппаратом. Традиции руководства сотрудниками и аспирантами, заложенные Ю. Н. Работновым, Юля приумножила и в некотором смысле довела до совершенства.

Она мне рассказывала, что академик ежедневно утром совершал обход лаборатории и интересовался у каждого научного сотрудника, что ему удалось сделать за прошедший

день. Если в течение нескольких дней в работе данного сотрудника из-за лени или по другим, не имеющим отношения к делу обстоятельствам не было прогресса, Юрий Николаевич просто переставал им интересоваться. Но если он видел настойчивые, хотя и безрезультатные попытки решить поставленную задачу, академик вникал в существо проблемы и оказывал действенную помощь. Такой руководитель для целеустремленной, способной Юли стал истинной манной небесной.

Период с 1965 по 1985 год был без преувеличения звездным в ее жизни. Она состоялась как жена, мать, ученый. В 1970 году она защитила кандидатскую, а в 1980 году — докторскую диссертации. Она становится заметной фигурой в научном мире, выступает с докладами на общесоюзных и международных научных конференциях и съездах. Она по-прежнему необыкновенно хороша, амбициозна, успешна. Недавно один из ее сотрудников вспоминал: «Утром идешь на работу и знаешь, что в лаборатории за письменным столом уже сидит Юлия Васильевна, элегантно одетая, с прической, будто только из салона красоты, посмотрит на тебя своими большими ласковыми глазами, и ты невольно выпрямляешься, подтягиваешься, стараешься выглядеть комильфо».

В то время я редко видел Юлю, лишь продолжал регулярно поздравлять ее с днем рождения и Новым годом. Изредка после работы подъезжал к проходной Института машиноведения и довозил ее до дома. Она охотно рассказывала мне о работе, о сыне. В ее поведении и речи появилась уверенность. Авторитетами в области науки, которой она занималась, для нее по-прежнему были А. А. Ильюшин и Ю. Н. Работнов. Творческие возможности своих коллег она оценивала беспристрастно, афористично и реалистично. На вопрос о написании монографии отвечала: «У меня материала для нескольких монографий, но нет времени заняться подготовкой и оформлением. Все время уходит на эксперимент, текущую работу и аспирантов. Ты знаешь, какая сейчас молодежь. Ничего не хотят делать самостоятельно, надо все заставлять. Ну, ладно, эксперимент сделают, а обработку результатов, теорию, оформление — всё спихивают на меня».

Я смотрел в ее большие волшебные глаза и думал: «Счастливые аспиранты, у которых такая руководительница!»

В последние годы Юля часто и подолгу болела. В те редкие дни, когда мне удавалось с ней встретиться, она выглядела уставшей. Вероятно, в ее жизни было далеко не все так безоблачно, как прежде. Но она не жаловалась и вообще, как всегда, избегала обсуждения своей личной жизни. Во всем остальном была оптимистична и полна планов на будущее. И расставаясь, я, заряженный ее оптимизмом, успокаивал себя словами, что все еще образуется.

Я вспоминаю Юлю. Перед моими глазами она в первый день нашего знакомства 1 сентября 1955 года на 14-м этаже ГЗ МГУ, и мне кажется, что все прошлое — одно прекрасное мгновенье.

ЭПИЛОГ

Недавно на очередной Татьянин день я был в МГУ. Обстановка была одновременно уютной и деловой. Торжественное заседание вел ректор МГУ академик В. А. Садовничий. Он говорил о достижениях университета за последние годы. Представил президента РАН А. М. Сергеева, удостоенного звания почетного профессора МГУ. А. М. Сергеев в ответном слове отметил, что хотя вся его научная и педагогическая деятельность связана с Горьковским университетом, он считает, что на становление его как ученого решающее влияние оказали исследования, проводимые на физфаке МГУ под руководством академика Р. В. Хохлова.

Заканчивая официальную часть перед фуршетом, В. А. Садовничий рассказал эпизод, связанный с его молодостью. Этот эпизод, хотел он или не хотел, проиллюстрировал, что математическая логика и логика жизни — «две большие разницы», как говорили у нас в Одессе. В жизни исключение подтверждает правило. В. А. Садовничий до поступления в МГУ работал на Донбассе в шахте вместе с А. Г. Стахановым.

В 1935 году, когда Стаханов установил свой рекорд, послуживший началом всесоюзного стахановского движения, его пригласили в Москву. Стаханову оказали прием на государственном уровне: возили по Москве, принимали в Кремле. Он посетил балет Б. Асафьева «Пламя Парижа» в Большом театре, где его гидом был народный артист СССР В. И. Немирович-Данченко. В середине первого акта Стаханов заскукал и поинтересовался у Владимира Ивановича:

— Когда начнут говорить или хотя бы петь?

— Так это же балет! — изумился Немирович. — Вы что же, никогда не были на балете? В балете не поют и не говорят, а только танцуют.

Стаханов терпеливо досидел до конца. Когда в последнем акте все участники балета и появившийся хор запели «Марсельезу», Стаханов, обращаясь к Немировичу-Данченко, победоносно воскликнул:

— Вы, я вижу, тоже никогда не были на балете!

На этом я заканчиваю свои записки. Можно писать еще о многом, но нельзя объять необъятное. Любое прикосновение к временам прошедшей молодости пробуждает сентиментальные эмоции.

*Юные годы, счастливые дни.
Как вешние воды, промчались они.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Шарыгин И. Ф. К 70-летию со дня рождения. М.: МЦНМО, 2007.
2. Понтрягин Л. С. Краткое жизнеописание Л. С. Понтрягина, составленное им самим // Успехи математических наук. 1978. Т. 33. Вып. 6 (24). С. 7–21.
3. Ивлев Д. Д. Короли и академики. Чебоксары: Чувашия, 1999.
4. Бехтерева Н. П. Три прорыва в исследованиях мозга. XX век и его последняя декада в науке о мозге человека. Вступ. лекция. XXXIII Международном Конгрессе физиологических наук, Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 1997 г. // Фонд имени академика Натальи Бехтеревой. URL: <https://bekhtereva.fund/wp-content/uploads/2018/08/Tri-proryva-v-issledovaniyakh-mozga-lektsiya.pdf> (дата обращения: 12.09.2023).
5. 100 лет со дня рождения И. Я. Верченко. М.: Академия ФСБ России, 2007.
6. Марьямов Н. Б. Теплоотдача и сопротивление авиационных радиаторов. М.: Центральный аэрогидродинамический институт им. проф. Н. Е. Жуковского, 1936. (Труды ЦАГИ. Вып. 280).
7. Марьямов Н. Б. Экспериментальное исследование и расчет авиационных радиаторов. М.: Центральный аэрогидродинамический институт им. проф. Н. Е. Жуковского, 1938. (Труды ЦАГИ. Вып. 367).
8. Марьямов Н. Б. Тепловая обработка изделий на заводах сборного железобетона (Процессы и установки) / Всесоюзный научно-исследовательский институт заводской технологии сборных железобетонных конструкций и изделий «ВНИИЖелезобетон». М.: Стройиздат, 1970.
9. Медведев В. А. О сходимости метода Бубнова — Галеркина // Прикладная механика и математика. 1963. Т. 27. Вып. 6. С. 1148–1151.
10. Поручиков В. Б. Методы динамической теории упругости. М.: Наука, 1986.
11. Марон В. И. Гидродинамика однофазных и многофазных потоков в трубопроводе. М.: МАКС Пресс, 2009.

12. *Марон В. И.* Информационное движение материи. Пост-биологическая цивилизация и будущее человека. М.: МАКС Пресс, 2010.
13. *Огибалов П. М., Суворова Ю. В.* Механика армированных пластиков. М.: Издательство Московского университета, 1965.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ	7
МАТЕМАТИКИ И МЕХАНИКИ	12
СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ	14
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО КАФЕДРАМ	18
АСПИРАНТУРА	19
ПРОФЕССУРА	22
Член-корреспондент АН СССР Н. Г. Четаев	27
Академик Л. И. Седов	30
Академик Г. И. Петров	35
Член-корреспондент АН СССР А. А. Ильюшин	37
Академик УзССР Х. А. Рахматулин	41
Профессор А. Я. Сагомоян	44
<i>Другие профессора</i>	
Академик И. М. Гельфанд	47
Академик Л. Д. Ландау	52
Академик А. Н. Колмогоров	53
РАЗНЫЕ СУДЬБЫ	57
Н. Б. МАРЬЯМОВ	62
ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ	74
МОИ ДРУЗЬЯ	77
В. А. Медведев	77
В. Б. Поручиков	79
М. М. Гишинский	83
В. И. Марон	89
Ю. В. Суворова	92
ЭПИЛОГ	99
Литература	101

Литературно-художественное издание

Марьямов Александр Наумович

Мой мехмат

Воспоминания

Редактор *Ю. А. Козлова*

Художественное оформление, верстка *Ю. Н. Симоненко*

Корректоры *Г. В. Холодных, Т. И. Магала*

Подписано в печать 16.10.2023. Формат 60×90/16. Уч.-изд. л. 5,2. Усл. печ. л. 6,5. Бумага офсетная.
Тираж 60 экз. Изд. № 12526. Заказ № 4611-23.



**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
<http://msupress.com>. Отдел реализации:
тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит». 410004, г. Саратов,
ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33. E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru

Александр Наумович Марьямов

(род. 1937) — кандидат физико-математических наук, доцент, старший научный сотрудник.

В 1955 году окончил среднюю школу с золотой медалью и в том же году поступил на механико-математический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова.

В 1960 году после окончания МГУ распределился в очную аспирантуру.

С 1962 года работал по совместительству в НИИ механики МГУ. После окончания аспирантуры работал в Институте, где в 1968 году защитил кандидатскую диссертацию. В 1969–1970 годах преподавал в Алжире. В 1968–1969, 1970–1974 годах преподавал в МГИМО по совместительству.

С 1974 по 1991 год — заведующий лабораторией во ВНИИХОЛОДМАШ.

С 1991 по 2014 год — доцент кафедры Высшей математики МГУПП.

С 2014 года — преподаватель первой категории колледжа ВГУЮ.



ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISBN 978-5-19-011932-9



9 785190 119329